

Колдовские

Миры

ЭМЕЛИС
ПУТЬ ДОЛГА И
ЛЮБВИ

АННА ГАВРИЛОВА

Annotation

Боевики и защитницы — извечный симбиоз и извечное противостояние. Но никто не предполагал, что это противостояние может быть настолько жестким! И несколько десятков щитов против сотен боевых молний — только начало. Ректор уже поседел, декан факультета защитной магии написал прошение об отставке, а главный сухарь академии, профессор Ликси, впервые в жизни посетил храм. И все это из-за меня, Эмелис из рода Бьен. Впрочем, нет, ничего бы не случилось, если бы не он, Кир, Кирстен, мой синеглазый кошмар, самый несносный из боевых магов. После того, что он сотворил, вообще знать его не желаю. И пусть делает что угодно, хоть к самому королю за помощью обращается! Хотя... с него станется. Ведь он грозился, что не отпустит... А в том, что этот парень слово держать умеет, я уже убедилась...

Анна Сергеевна Гаврилова
Эмелис. Путь долга и любви

Глава 1

Я проснулась от ощущения чужого взгляда. Нет, оно не неприятным было, а совсем-совсем другим — нежным, ласкающим, чуточку игривым. Открывая глаза, уже знала, что увижу, и улыбку сдержать не могла.

— С добрым утром, любимая, — сказал Кирстен.

— Привет, — выдохнула я. И хотя смущение в этой ситуации было совсем неуместным, почувствовала, что краснею...

В подчёркнуто мужской спальне царил полумрак. Гардины были задёрнуты. Синеглазый боевик лежал рядом, приподнявшись на локте, и улыбался. Я не раз и не два видела его улыбку, но эта была иной, особенной.

Счастье? Нет.

Абсолютное счастье? Да, пожалуй...

— Эмелис, — прошептал тот, кто украл моё сердце.

Его рука скользнула по обнаженной коже и замерла на талии. А через мгновение я оказалась крепко прижата к горячему мужскому телу. Опомниться не успела, как мои губы очутились в плену.

Поцелуй был лёгким, но невероятно сладким, в тон соединившей нас ночи. Голова тотчас закружилась, по телу побежали мурашки.

— Кир... — не выдержав, простонала я.

Меня одарили ещё одним поцелуем и тихим:

— Люблю...

Я не ответила. Осторожно вывернулась из объятий, а прежде чем выскользнуть из-под одеяла, попросила:

— Ты только не подглядывай, ладно?

Боевик усмехнулся, но кивнул.

Он улыбался, а я... я уже не краснела, пылала! Осознание дерзости собственного поступка появилось лишь сейчас и сводило с ума. Нет-нет, я ни чуточки не жалела, но... О Всевышний! Я, Эмелис из рода Бьен, сама пришла к мужчине и фактически заставила его... Нет, не хочу об этом думать.

На цыпочках, словно воришка, дошла до умывальни. Одарила растрёпанную голубоглазую блондинку, которую отразило зеркало, пристальным взглядом и лишь после этого решила взглянуть вниз.

Бурные разводы на внутренней стороне бёдер сюрпризом, разумеется, не стали, но я всё равно поёжилась. Боль, которую ощутила ещё в момент пробуждения, тоже была понятна и ожидаема, но заботила отчего-то меньше, нежели кровавые следы.

Я глубоко вздохнула, тряхнула головой в надежде прогнать лишние мысли и отправилась в душ... Нет, я ни о чём не жалею.

Кирстен обещание выполнил, действительно не подглядывал. Когда я вышла из умывальни, застала его лежащим на животе. Глаза боевика были плотно закрыты, но ресницы подрагивали. Я сбросила полотенце, в которое завернулась после душа, и юркнула обратно, под тёплый бок.

Кир среагировал мгновенно — извернулся, сцапал в охапку, осторожно, но вместе с тем властно, прижал к постели.

— Как себя чувствуешь? — спросил тихо.

— Хорошо, — выдохнула я. А потом потупилась и прошептала: — Извини.

— За что? — изумился брюнет.

Я не выдержала, зажмурилась, потому что смотреть ему в глаза было чуточку стыдно.

— За простыни... Надо было что-нибудь подстелить...

— Эмелис! — перебил Кир. — Глупостей не говори.

Ну да, для него это глупость. А слуги? Что они подумают, когда будут убирать постель?

Развить эту мысль и устыдиться по-настоящему не успела — боевик припал губами к уголку моего рта, потом поцеловал всерьёз. Сознание мгновенно подёрнулось розовым туманом, тело ослабло. Правда, эта слабость не помешала обвить руками шею Кирстена и ответить на касания губ.

Мир привычно поплыл, да и жар, который охватил тело, был не в новинку. Но прежде я запрещала себе, останавливала, а теперь... пальчики смело скользнули по обнаженным плечам возлюбленного, тело выгнулось навстречу его силе и теплу.

— Любимая... — простонал боевик. — Любимая, не делай так...

Кажется, это я уже слышала, причём не далее как вчера.

— Как «так»? — переспросила хрипло.

Ответом стал невероятно жадный поцелуй и тихое:

— Эмелис, ты меня с ума сводишь. И если не прекратишь... в академию мы в лучшем случае к выпускным экзаменам вернёмся.

Уверенности в том, что Кирстен шутит, не было, поэтому шалить действительно перестала. Отодвинулась насколько могла, стрельнула в брюнета глазками.

— Позавтракать успеем? — спросила я.

Боевик тяжело вздохнул, словно на совсем другую реакцию надеялся, ответил с заметной неохотой:

— Да, любимая. Морвен обычно не раньше полудня портал активирует.

— Ну вот и прекрасно...

Кир отпускать не хотел, но я всё равно из его объятий выскользнула. Не без удовольствия отметила, как потемнели синие глаза, едва отбросила одеяло и встала в полный рост. А когда подхватила ночную сорочку и направилась к смежной двери, ведущей в мою спальню, за спиной раздался исполненный какой-то невероятной, почти звериной тоски, стон.

Кажется, зря я в прошлый раз своей наготы стеснялась...

Мои чемоданы были уже собраны, стояли у дальней стены. В платяном шкафу висело одно-единственное платье — серое, с фиолетовыми оборками. Рядом короткая шубка из меха пустынной выдры, та самая, в которой покидала академию. На полке стопочка нижнего белья.

Горничной в спальне не обнаружилось, чему я, сказать по правде, обрадовалась. И одеваться начала задолго до того, как Бетти постучалась и прошмыгнула в дверь. Девушка появилась ровно в тот момент, когда я пыталась сотворить заклинание для застёгивания пуговиц. Пуговицы поддаваться не желали.

— Госпожа Эмелис, оставьте, — сказала Бетти с улыбкой. — Я сама сделаю.

Отказываться от помощи, разумеется, не стала. Застыла, позволяя горничной застегнуть платье, после села перед зеркалом и расслабилась. Когда Бетти вооружилась щёткой и принялась приводить в порядок волосы, стало чуточку грустно. За две недели так привыкла к помощи этой скромной девушки, что теперь слабо представляю, как обходиться без неё.

Впрочем, эта проблема не нова. Возвращаться к образу жизни самостоятельной, независимой студентки академии магии всегда сложно. Не вообще, а в плане быта.

— Госпожа Эмелис, вам сегодня высокую причёску делать? — спросила Бетти.

Я подумала и кивнула.

Пусть будет высокая. Конечно, в академии такие причёски не приняты, большинству магичек вообще по нраву стрижки, но поводов прятаться, стараться не привлекать внимание, как в начале учебного года, больше нет.

Впрочем, я теперь даже если захочу, спрятаться не сумею.

Интересно, как сокурсницы восприняли моё исчезновение? Наверное, как нечто само собой разумеющееся.

А как воспримут новость о нашей с Киrom свадьбе? О Всевышний, кого я пытаюсь обмануть? Девчонки даже не удивятся!

Кажется, я была единственной, кто считал роман с боевиком фикцией. Остальные с самого начала всё про нас знали.

Да-да! Все всё знали! Только мы с Киrom два слепца. Или всё-таки один? Вернее, одна? Впрочем, не важно. Всё теперь не важно. На повестке дня только один вопрос — как сказать отцу.

Господина Форана новость, разумеется, не обрадует. Рид моё решение тоже не оценит, но убедить жениха будет проще. Пусть Ридкард очень сильно подвержен влиянию моего папы, но он... он всё-таки помягче. К тому же Рид, в отличие от первого министра Верилии, властью не грезит. А ещё прекрасно понимает, что жить с женщиной, которая влюблена в другого, невозможно.

Когда-то, очень-очень давно, почти сразу после помолвки, мы с Ридом этот вопрос обсуждали. Он тогда совершенно серьёзно просил не влюбляться, а я смеялась и отмахивалась. Все студенты верилийской академии магии были мне знакомы, никто из них не тревожил ни мысли, ни сердце. Я попросту не могла влюбиться, даже если б захотела.

Отправляясь в Дурбор, влюбляться не собиралась тем более, но... прав был тот, кто сказал — сердцу не прикажешь.

А тот, кто сказал, что все беды от женщин, тоже не ошибся — стоило представить, чем аукнется моё решение, по спине побежал холодок.

Если папа добьётся своего, если отвоюет трон у Уйлима из рода Веркур, я стану принцессой, а мой избранник — следующим претендентом на верилийский престол. Злые языки говорят, дескать господин Форан всегда только о своей выгоде заботится, но я-то знаю: отец тревожится о судьбе королевства куда сильнее, нежели о собственном благополучии.

Отец неспроста решил отдать меня Риду. С самого начала, с самого первого дня, первый министр учил своего помощника управлять королевством. Он сам нанимал для Ридкарда учителей, брал помощника на все, даже самые секретные, совещания. Он же позаботился о том, чтобы роду Неран, к которому принадлежит Рид, вернули часть земель, реквизированных в своё время в пользу короны. И пару старинных, но крайне неприятных историй, бросавших тень на знатную фамилию, из летописей вымарал.

Конечно, папа пытался слепить из Ридкарда подобие самого себя, но всё сложилось чуточку иначе. Рид не поддался, чем заслужил уважение многих знатных мужей, ну и моё заодно. Но это уважение никогда не сможет затмить чувство, которое я испытываю к Киру, а раз так, у нас с Ридкардом только один путь — разрыв.

Захочет ли отец отдать трон незнакомцу, да еще и магу — понятия не имею. Захочет ли

Кир покинуть Дурбор — тоже не знаю, но выясню. Рассказывать боевику о том, чьей дочерью являюсь, пока рано, но... часть секретов раскрыть всё-таки придётся.

На мгновение сердцем овладел страх. Что если Кир в самом деле откажется принять моё наследство и уехать из Дурбора? Но голос разума шепнул — от таких предложений не отказываются, и я успокоилась.

К тому же ещё неизвестно, чем всё закончится. Да, я не желаю верить в провал отца, но не могу отрицать, что этот провал возможен. Есть вероятность, что я останусь нищенкой и бесприданницей и вместо титула принцессы обзаведусь клеймом дочери узурпатора или даже преступника...

— Госпожа Эмелис, — вырвал из раздумий голос Бетти, — шпильки какие? Простые или с бабочками?

— С бабочками, — выдохнула я. А про себя подумала — вдруг бабочки в волосах помогут стать легкомысленней?

Но от тяжёлых размышлений не рукотворные крылья отвлекли, а замечание всё той же горничной:

— Господин Кирстен, должно быть, уже под дверью... Будем торопиться или как?

Я не могла не улыбнуться. Потом вспомнилось, как час назад сбегала из его спальни, и улыбка, вопреки желанию, стала стократ шире.

— Нет, торопиться не будем, — ответила я. Взглянула на циферблат настенных часов и добавила: — Тем более до завтрака ещё уйма времени.

Румяная Бетти понимающе хмыкнула и занялась шпильками.

Закончив с причёской, горничная помогла надеть снятые на ночь украшения. Кольцо с аквамавром, подаренное Киром; браслет, украшенный россыпью сапфиров, — тот, что передали от отца; тонкую цепочку с кулоном, которая досталась от матери и которую снимала крайне редко. Ещё Бетти подала цепочку с ключом от моей комнаты в общежитии — очень своевременное напоминание.

Спрятав ключ в карман, я вновь вернулась к зеркалу. Стараниями горничной растрёпанная блондинка превратилась в элегантную леди. О том, что ночь у леди была бурной, свидетельствовали слегка припухшие губы и только.

— Вы прекрасно выглядите, госпожа Эмелис, — заметила Бетти. Добавила с тихим смешком: — Господин Кирстен обречён.

Я одарила девушку лучезарной улыбкой, расправила плечи и смело шагнула к двери, ведущей в гостиную выделенных мне покоев. А переступив порог, замерла в удивлении — Кира в гостиной не было.

Как так? Почему?

Бетти, которая вышла следом за мной, удивилась не меньше.

— Может, его госпожа Вента вызвала? — предположила горничная.

Я пожала плечами и промолчала. Да, хозяйка замка не лишена присущего всем пожилым людям стремления поучать, но... нет, здесь что-то не то.

Выждав несколько минут, я глубоко вздохнула и выскользнула в коридор. Знаю, девушке не престоало стучаться в двери мужских покоев, но я ко всему прочему магичка, а магам, как известно, дозволено куда больше, нежели остальным.

Дверь в гостиную Кира распахнулась почти сразу, но на пороге не боевик обнаружился, а слуга. О причинах моего визита парень в форменном камзоле догадался сразу.

— Господин Кирстен ушел четверть часа назад, — с поклоном сообщил он. — Не

уверен, но, кажется, хозяин направлялся в библиотеку.

В библиотеку? Интересно, что он там забыл?

Я благодарно кивнула слуге, подобрала подол и поспешила к лестнице.

Библиотека располагалась в этом же крыле, этажом ниже. Она была небольшой, но отнюдь не скромной. В первый и единственный визит в это хранилище знаний рассмотреть все книги не успела — просто мы с Киром не читать, а целоваться туда ходили, — но кое-что всё-таки заметила.

Корешки сплошь потёртые, книги, в подавляющем большинстве, посвящены магии. И если учесть, что в родственники Кира по материнской линии сам Тердон из рода Дерс затесался... В общем, за эту библиотеку даже Орден душу продаст, причём коллективно. Но возвращение в академию всё-таки не повод интересоваться пыльными фолиантами, или?..

Стук собственных каблучков казался оглушительно громким. Стук сердца ещё громче. Когда одолела лестничный пролёт и подступила к массивной резной двери, за которой скрывались стеллажи с книгами, сердце и вовсе споткнулось.

Дохлый тролль, да что со мной? Откуда этот страх? Ведь ничего особенного не случилось. Ну подумаешь, не встретил! Ну подумаешь, в библиотеку пошёл. Да мало ли что ему среди книжных стеллажей понадобилось!

Я заставила себя отринуть панические настроения и решительно дёрнула ручку двери. И застыла, потому что, едва створка приоткрылась, поняла — Кир в самом деле здесь. Только боевик не один и беседует отнюдь не с госпожой Вентой.

— Терри, твоё поведение неприемлемо, — заявил некто невидимый. Он обладал густым басом, в каждой нотке которого звучала власть. — Ты отказываешься вникать в дела, тем не менее позволяешь себе науськивать брата. Думаешь, я не понял, с чьей подачи он отказался поддержать моё решение и убедил отозвать летучие отряды?

— Если меня нет на совещаниях, это не означает, что я не вникаю, — парировал Кир. Тоже невидимый, потому что дверь я приоткрыла чуть-чуть...

— Терри! — рыкнул бас. — Терри, прекращай! Я спустил вам эту аферу только из любопытства — хочу посмотреть, к чему ваш план приведёт. Но больше заговоров внутри семьи не потерплю.

— Отец... — простонал Кирстен. — Отец, ну какие заговоры? Ты слышал аргументы Криста и...

— Терри, не начинай. Допросишься. Выдерну тебя из этой гоблиновой академии и...

Собеседник Кира замолчал, но явно не потому, что сказать нечего. Просто эти угрозы, судя по всему, не в первый раз звучали. Кир прекрасно знал, какой судьбой его пугают, а его отец повторяться точно не любил.

— Ладно, Терри. — Гневные нотки сменились ворчанием. Голос незнакомца прозвучал на порядок тише. — Тема закрыта. Но...

Повисла пауза, словно кто-то красноречиво грозит пальцем, а потом прозвучал другой, куда более интересный вопрос:

— Кстати, что за девица? И почему я последним узнаю о том, что мой сын влюблён по уши и едва ли не женится?

— Кто влюблён? — изумился синеглазый.

— Ты! — не сдержался собеседник.

А в следующий миг я услышала громкий залиvistый смех и снисходительное:

— Отец! Я тебя умоляю! Ну какая любовь? Откуда?

— Из академии, — уверенности в голосе родителя уже не было. — Сокурсница твоя, с факультета защитной магии.

— Кто сказал тебе эту глупость?

Собеседник Кирстена, кажется, совсем растерялся.

— Вента проболталась. А ещё старуха призналась, что девочка сейчас здесь, в замке.

В этот миг я осознала, что не дышу, причём давно. И сердце... моё сердце бьётся через раз и сжимается так больно...

— Ну... девочка в замке действительно есть. Вот только она не из академии. — Кир выдержал очень долгую паузу и лишь потом пояснил: — Отец, ну я же не мог сказать бабушке, что привёл шлюху. Естественно, я представил девочку как сокурсницу, а рассказы про любовь — это так, для поддержания легенды.

В глазах резко потемнело, а сердце резанула такая боль, что едва сдержала крик. Ноги ослабли. Я привалилась плечом к стене, судорожно глотнула воздуха и вздрогнула, услышав изумлённое:

— Ты?! Терри, ты привёл в этот замок шлюху?

А следом хохот. Басистый, раскатистый, неудержимый.

— Бабка тебя с потрохами сожрёт, если узнает! — простонал... отец Кира. — Она тебя...

— Она не узнает, если ты не выдашь.

— Я? Тебя? Тёще? — притворно возмутился родитель. — Терри, за кого ты меня держишь?

И снова хохот. Причём до того громкий, словно не под дверью стою, а там, рядом с ними.

— Вшивый гоблин, какая отличная новость, — чуть успокоившись, сказал безымянный. — И как своевременно! Я уж хотел голову Морвену оторвать за то, что не доложил про сокурсницу.

— М-да, зря я тебе сказал. Упустил отличный шанс избавиться от этого стукача.

Эту реплику отец Кира проигнорировал. Сказал о другом:

— Знаешь, Терри, а я рад! А то я уж было волноваться начал — живёшь один, на баб не смотришь, и это в твои-то годы. Но дом терпимости...

— Зато девочки из дома терпимости не ноют, — перебил Кирстен. — И претензий не предъявляют.

Отец Кира понятливо хохотнул, а я... Я таки сумела отлепиться от стены и даже сделать шаг, в сторону, но... Дохлый тролль! Я дочь Форана из рода Бьен, я не могу просто взять и сбежать.

Мир перед глазами знакомо плыл, только в этот раз дело не в поцелуях было. Колени тоже не от ласк дрожали, а сердце... оно даже не пыталось вырваться из груди, стучало так тихо и так медленно, словно вот-вот остановится.

Надевая маску беззаботной, развязной дуры, я не была уверена, что не рухну на пороге этой злосчастной библиотеки. В том, что сумею заговорить, уверенности тоже не было. Тем не менее я открыла дверь и вошла.

— Дорогой, ты здесь? — Голос прозвучал на удивление звонко.

И растерянность, которую пришлось изобразить, когда увидела стоящего подле окна незнакомца, очень естественной получилась.

— Ой, ты не один... прости...

Кир, в отличие от отца, не стоял, а сидел в широком кресле, у письменного стола. Нас разделяла дюжина шагов, а может и две — не знаю, оценить расстояние не смогла. Зато увидела, как вытянулось лицо этого предателя. Тот факт, что Кир побледнел, от моего внимания также не укрылся.

Я развернулась в лживом намерении покинуть библиотеку, но тут же «одумалась». А что, это же как раз тот случай, когда охота пуще неволи! Я же... шлюха, а шлюхам дозволено ещё больше, нежели магичкам.

Продолжая озарять мир улыбкой, я расправила плечи и решительно направилась к замершим в безмолвии мужчинам.

Прости, Кирстен, но я точно знаю — твоему отцу очень любопытно взглянуть на девочку из дома терпимости, а я слишком добра, чтобы отказать ему в этой малости. Смотрите, господин как вас там. Смотрите!

— Дорогой, я всего на минуточку. Я пришла сказать, что готова к переходу. Когда там этот дурацкий портал активируют?

Боевик и до этого румянцем не отличался, а теперь и вовсе белее снега стал.

— Милая... — поднимаясь, выдохнул он. — Пожалуйста... подожди меня...

Я глупо хихикнула и кокетливо похлопала ресницами.

— Где подождать? В спальне?

Кажется, кому-то стало дурно, но мне на реакции Кира было плевать. Сердце уже не болело, оно разрывалось на части. Зато слёз не было, чему я несказанно радовалась.

— Эми... — прошептал боевик.

Ах! Ещё и Эми! Любимый, ты же знаешь — я ненавижу, когда издеваются над моим именем. Я Эмелис! Эмелис из рода Бьен, маг-защитник с высшим уровнем дара, а не плюшевая игрушка!

Я плавно повернулась к отцу Кира и присела в глубоком реверансе. Пропела сладко:

— О, простите мою назойливость. Просто я так боюсь этих порталов, а Терри...

— Эми, детка! — перебил синеглазый. — Выйди, пожалуйста...

Я от этих слов отмахнулась. Выпрямилась и одарила стоящего у окна мужчину очень откровенным взглядом.

Да, я рассматривала! Хотя видела немного. Просто мир по-прежнему плыл, голова кружилась, а в ушах нарастал гул. Как держалась на ногах — не знаю. Но всё-таки держалась...

Отец Кирстена был высок и широкоплеч. Волосы цвета воронова крыла коротко острижены, на щеках густая щетина. Сходство с сыном? Оно было незначительным, тем не менее лицо мужчины показалось знакомым.

Наверное, я бы сумела узнать, вот только выглядел он слишком неправильно. словно только-только из постели вылез. Мало что непричёсан и небрит, так ещё и в халате! Роскошном, под стать королевской мантии, но всё-таки халате...

— А вы ничего... — томно протянула я.

Мужчина изогнул бровь. Изумруды глаз и прежде горели весельем, а уж теперь... он едва сдерживал хохот. Но мне было плевать! Я продолжала:

— Мы таких... — ещё один оценивающий, предельно наглый взгляд, — очень любим.

И уже отступая:

— Двери нашего дома всегда открыты. Приходите. Мы вам... очень хорошую скидку сделаем.

— Мелкая! — рыкнул Кирстен.

Я же послала зеленоглазому мужчине воздушный поцелуй, круто развернулась на каблуках, подобрала подол и ринулась к двери.

— Мелкая... — выдохнул тот, кто растоптал моё сердце. А потом громко, явно наплевав на мнение родителя: — Мелкая, стой!

Я не подчинилась.

Ответом на моё своеволие был грохот падающего кресла и совсем злое:

— Мелкая! Остановись!

А вот теперь послушалась, обернулась. Лучший боевой маг дурборской академии магии мчался следом в явном намерении остановить, но...

Схема вспыхнула в сознании как по щелчку пальцев. Мне не пришлось взывать к силе, потому что кровь уже кипела. Выдох, и вокруг меня сомкнулась сфера физического щита высшего порядка. Кир увидел, удивился, но даже не подумал остановиться...

— Мелкая! — вновь позвал он, а я... я ударила.

Ударила зло, со всей силы, практически наотмашь! А щит, который прежде был так послушен этому мерзавцу, безропотно подчинился. Не ему, разумеется, а мне.

Боевик отлетел на добрых три шага, но на ногах всё-таки устоял. На одно колено припал и только.

— Эмелис...

Держать лицо и дальше было бессмысленно. Продолжать спектакль — тоже. Да я и не смогла бы. Всё. Нервы кончились.

— Не смей ко мне приближаться, Кирстен! Никогда!

Но боевик на то и боевик, чтобы не слушать и поступать по-своему. Именно поэтому Кир взвился и опять ринулся вперёд. А может... может быть, думал, что у меня сил не хватит. Ведь физический щит такого уровня — это слишком. Действительно слишком!

Вот только второй раз удержаться на ногах Киру не удалось. И пусть он сразу же поднялся, но...

— Бесконечно рада знакомству, — прошипела я. Обращалась, разумеется, не к сокурснику.

Мужчина, имени которого так и не довелось узнать, лучисто улыбнулся. Да, он всё понял, а большего и не нужно!

Я развернулась и продолжила путь, а сзади прозвучало предельно властное:

— Терри, стоять!

Не знаю как у Кира, а у меня от этого тона сердце похолодело. А ещё я точно знала — теперь у «девочки из дома терпимости» есть фора.

Одаривая талантом к защите, создатели не поскупились, а вот способности ко всем прочим видам магии... ну это издёвка, честное слово. Я даже с заклинанием для завивки волос не всегда справиться могу, хотя бытовая магия — самая простая, ей все без исключения владеют. А уж об универсальной магии мне даже мечтать не приходится.

Я и не мечтала, до этого момента.

Моего резерва вполне хватит, чтобы активировать даже простой портал, не то что стационарный, но кроме силы тут нужен ещё и навык настройки матрицы, и знание координат. Ни первого, ни второго у меня, увы, нет, это всё из разряда универсалки, которая мне не подвластна. Но сигнал экстренного вызова послать смогу. Смогу, чего бы мне это ни стоило!

Пусть он пройдёт по старому каналу, выведет на тот портал, через который совершён последний переход. Пусть! Куда угодно, только подальше отсюда, прочь из ставшего таким чужим, таким холодным замка.

Я всё смогу. Я всё сумею. Я справлюсь! Мне бы только чуточку удачи и капельку сил...

Но силы, вернее магические силы, не понадобились. Зато удачу вычерпала до дна.

Когда вошла в знакомый зал с белоснежным мраморным полом и редкими стрельчатými окнами, портал уже мерцал, а один из символов внешнего круга полыхал алым.

Но не это главное — у точки перехода отирался незнакомец в строгом камзоле. На отвороте камзола красовался знак дурборской академии магии.

Заметив меня, маг удивлённо вскинул бровь, но заговорить не успел. Я на ходу указала на полыхающий символ, спросила строго:

— Этот вызов, он откуда?

— Академия магии, насколько мне известно, — несколько опешив, отозвался мужчина.

Я же остановилась и... да, я приказала:

— Активируйте.

Выпускник моей нынешней альма-матер откровенно растерялся. Я прекрасно понимала — он здесь неспроста, он сопровождает отца Кирстена. Ещё понимала, что не имею никакого права приказывать магу, но...

— Активируйте, немедленно!

Я не поскупилась ни на эмоции, ни на тон. Маг заметно вздрогнул и стремительно шагнул к мерцающему кругу. Не знаю, какой титул носит отец Кира, но одно ясно наверняка — меня приняли за ягодку с того же поля. А таким людям не отказывают.

Короткий жест, витиеватая формула заклинания, и символ погас. Зато мерцание портала стало стократ ярче. Ещё миг, и внешний круг пришел в движение, следом начал вращаться и второй, внутренний. Энергию на этот переход тратила «принимающая сторона», и... меня уже ждали.

Я не оглянулась и слов благодарности столь вовремя подвернувшемуся магу не сказала. Просто подобрала подол и шагнула в пылающие белым светом жернова.

Один удар сердца, и... и всё. Вместо белого мрамора серый камень, вместо высоких стрельчатых окон узкие, задрапированные тёмными гардинами оконца. А вместо вышколенного мага пухлый седой старичок, так похожий на политую сахарной глазурью булочку. Только сущность у нашего ректора совсем иная...

— Госпожа Эмелис? — искренне изумился тот, кого студиозусы называли не иначе как Жабой. — Госпожа Эмелис, почему вы одна?

Я вышла из портала, а ректор привстал на цыпочки и заглянул мне за спину.

— Где господин Кирстен?

— Господин Кирстен задерживается. — Мой голос прозвучал на удивление ровно.

Я расправила плечи, вздёрнула подбородок и направилась к арке выхода. Спокойно, уверенно, будто ничего особенного не происходит. Но Жаба намёк не уловил, воскликнул:

— Госпожа Эмелис, вы раздеты! И вы... в туфлях.

Да, я знаю. И что теперь? Вернуться в замок госпожи Венты за шубкой? Нет, извините, господин Морвен, на это меня точно не хватит.

Я покинула зал, в котором располагался стационарный портал, миновала короткий коридор и решительно толкнула входную дверь. От административного корпуса до женского общежития идти не дальше четверти часа, вытерплю! Уж после того, что я стерпела в замке

на озере, холод — ерунда полная.

И я пошла. Да, именно пошла, а не побежала. Подбородок всё так же вздёрнут, плечи расправлены, слёзы... слёзы запрещены!

Взгляды студиозусов, которых угораздило остаться на время каникул в академии и выйти на прогулку в этот самый час? Ерунда. Глупость!

Мороз, царапающий щёки и оголённые руки — тоже глупость, причём куда большая, нежели взгляды.

Снег? Да, его много, но с неба не сыпется, а дорожки расчищены, так что беспокойства никакого. Даже каблуки не вязнут.

Рвущееся на части сердце... А вот это уже серьёзнее.

Как он, дракон его пожри, мог?! Как посмел сказать такое?! Полночи шептал, что не отпустит, что вместе мы преодолеем всё, а утром...

Это от того, что я пришла в его спальню сама, да? Из-за того, что повела себя... как девочка из того самого дома? Потому что требовала вместо того, чтобы мечтать — ведь благовоспитанным девушкам только мечты дозволены. Поэтому или...

Или Киру просто духу не хватило? Предложение сделать не побоялся, потому что без свидетелей, а вот представить меня своему отцу... Да, против таких, как отец Кирстена, играть сложно, спорить с такими равносильно самоубийству, но...

Нет. Нет и ещё раз нет! За время пребывания в дурборской академии я не раз убеждалась в том, что Кирстен не из тех, кто отступает. Значит, дело не в страхе перед родителем, дело в другом — Кир лгал. Лгал с самого начала!

Он не собирался представлять меня своему отцу, он...

В глазах снова потемнело, и я едва не споткнулась. Дышать стало в тысячу раз трудней, но вовсе не от того, что морозный воздух жёг лёгкие. Просто слёзы... эти проклятые запрещённые слёзы проявились, а в горле встал ком.

Кирстен не из тех, кто отступает. Если бы он хотел представить меня своему отцу, он бы непременно представил. Но вместо этого предпочёл высмеять и назвать девочкой из дома терпимости. Почему?

Если бы я была глупышкой, помешанной на сентиментальных романах, я бы могла предположить, что Кир раскрыл моё инкогнито и пытался защитить. Не допустить встречи с несомненно умным и высокопоставленным аристократом. Ведь я — дочь Форана из рода Бьен, козырь, который можно использовать, чтобы изменить политическую ситуацию в Верилии.

Но даже если представить, будто Кирстен знает, кто я... мозаика всё равно не складывается.

Возможно, отец Кира настолько приближен к власти, что может на что-то повлиять, но... он бы не смог узнать во мне единственную дочь одного из претендентов на престол Верилии!

Во-первых, я магичка, я имею право не называть имя рода, и я бы его ни за что не назвала. Во-вторых, я, как и младший сын короля Вонгарда, всегда избегала встреч с газетчиками и их фотографическими аппаратами. Мой портрет, тем более новый, днём с огнём не сыщешь!

Опознать меня можно только по имени, которое, увы, секретом не является, но... Но гоблин меня раздери! Помнить имена всех детей всех политиков сопредельных королевств невозможно! Чтобы помнить, как зовут дочь господина Форана, нужно быть либо другом,

либо непримиримым врагом.

Дальше... О том, что Эмелис из рода Бьен находится в Дурборе, знают лишь трое — отец, Рид и ректор. Чтобы допустить мысль о том, что я и есть та самая Эмелис, нужно как минимум всерьёз задуматься о ситуации в Верилии.

Отец Кирстена постоянно думает о Верилии? Сомневаюсь. В момент встречи с сыном, насколько мне помнится, его заботили летучие отряды и заговор внутри семьи.

Предположить, что этот заговор касался Верилии? Или что отряды стояли на границе с нашим королевством? Нет. Это перебор. Таких совпадений не бывает.

Последствия нашего знакомства и попытки отца Кирстена выяснить имя рода? О Всевышний, но это уже совсем другой вопрос... Это отсрочка, за время которой можно тысячу выходов из положения найти.

А раз так, то... вариант защиты отпадает.

А если он отпадает, то остаётся лишь одно объяснение... Просто Кир — охотник.

Среди магов таких практически не водится, а среди аристократов, особенно из числа тех, кого в народе называют «золотыми мальчиками», сколько угодно. Смысл охоты прост как булыжник — затащить в постель девицу. Чем девица родовитее и неприступнее, тем победа ценнее.

Способов охоты много: от банального совращения, до изошрённейшего — тайного сватовства. Да-да, того самого предложения, после которого захмелевшая от красивых ухаживаний дева готова на любое безумство. Даже на визит в мужскую спальню посреди ночи.

И пусть Кирстен попросил моей руки уже после того, как всё случилось, но... это ничего не меняет. Тем более что дальнейшее развитие событий как нельзя лучше соответствует принципу охоты.

Влюблённая, ослеплённая счастьем девушка продолжает верить в чудо, а за её спиной плетётся новая интрига. В данном случае очень некрасивая, но вполне стандартная...

Парень упоминает при родителях о некой очень неприличной особе, а в момент первого знакомства, как правило неофициального, на каком-нибудь приёме или балу, находится некто, кто при родителях эту самую особу опознаёт. Как в таком случае проходит официальное знакомство? Очень неприязненно, разумеется. Родители кривятся, и влюблённая дурочка это видит... А дальше вопрос техники.

В среде аристократов, если родители категорически против брака, свадьбы точно не будет. Редкая девушка согласится выйти замуж за того, кого грозятся лишить наследства в случае женитьбы на неудобной. Редкие родители отдадут дочь за нищего. И мало кто захочет стать участником такого скандала.

А итог прост — «золотой мальчик» свободен от обязательств и снова готов к охоте. Что будет с девушкой? Ну как повезёт...

В случае со мной опознать могла Вента — ведь старушка, несмотря на преклонный возраст, в свете бывает. Но это уже после, а до момента опознания Кир мог бы всю развлекаться со мной здесь, в академии.

И единственное, что неясно в этой истории — как я могла быть настолько слепа? Ведь все эти ухаживания, все эти поцелуи, все эти заботы... да ни у одного влюблённого терпения не хватило бы! А ради очень ценного трофея постараться можно. Дочь высокопоставленного верилийского аристократа, маг-защитник с высшим уровнем дара, да ещё и...

— Эмелис!

Я ждала этого оклика, поэтому даже не вздрогнула. Спокойно, не торопясь, вошла на крыльцо корпуса женского общежития и дёрнула ручку двери. Наверное, из маленького холла веяло теплом, но я не почувствовала.

— Эмелис! — Этот крик прозвучал куда ближе и яростней.

Я застыла.

— Эмелис! Подожди! Выслушай меня!

И всё-таки я обернулась.

Кирстен — растрёпанный, раскрасневшийся, в расстёгнутом камзоле — мчался к нашей общаге, но...

— Видеть тебя не могу, — прошептала я и, подарив боевику ослепительную улыбку, перешагнула порог того самого корпуса, в который всем студентам мужского пола вход заказан.

Всё так же спокойно миновала три лестничных пролёта. Вынула из кармана ключ, отперла дверь своей комнаты. Вошла, задвинула засов и повесила цепочку с ключом на вешалку — на тот самый крючок, где обычно висела позабытая в доме госпожи Венты шубка.

И лишь после этого позволила себе медленно сползти на пол и... Нет, я не заплакала. Я завывала.

Глава 2

Я почти не помню, что было дальше. Тьма, застилавшая глаза, стала не просто густой — непроницаемой, а разум... кажется, разум я утратила вовсе. И ничего за собственным воем не слышала.

Всё в тумане, всё где-то там, далеко и... не со мной. Не со мной, потому что меня нет. Я, Эмелис из рода Бьен, исчезла, растворилась.

Истерзанным стягом на диком ветру. Шуршащей позёмкой. Пылью, которая клубится над дорогой в зной. Обожжённой пустыней, чьи пески стремятся поглотить последний оазис. Вот кем я стала.

Нет меня. Нет!

Я обязательно вернусь, потому что я сильная, но сейчас меня не существует. Я не хочу, я не могу... быть. Я... умираю, наверное. Или уже умерла. Или умерла давно, тысячу лет назад. А была ли я вообще? Нет, не знаю.

Ничего не знаю. Потому что... нет меня. Это не я. Не со мной... Тьма! Тьма, заполненная диким звериным воем, — всё, что мне осталось. И всё, что осталось от меня...

Лязг дверного засова — неожиданный и невозможный, потому что дверь заперта изнутри. Единственный, кто может открыть — маг-универсал, и то если сильно постарается.

Падение? Оно возможно, ибо по-прежнему сижу у двери и упираюсь спиной в деревянную створку, но падение предотвращено — кто-то придержал за плечи.

И тут же стало холоднее и громче, хотя звуков за собственным воем почти не различаю.

Кто-то продолжает держать за плечи, а кто-то берёт в руки моё лицо и... то ли кричит, то ли шепчет:

— Эмелис! Эмелис, что случилось?

Я бы ответила, но не могу, из горла только вой вырывается вперемешку с хрипами, а вокруг... всё та же тьма. Не спокойная, а ужасная... пустая и заполненная одновременно. Страшная! Болезненная! Обжигающая и в то же время холодная, как сердце предателя.

— О Богиня... Эмелис, да что с тобой? Что произошло?

Если бы я была в сознании, если бы я существовала, я бы решила, что зовёт Милли. Весёлая девчонка с каштановыми кудряшками, единственная, кого могу назвать своей подругой. Не вообще, а здесь, в дурборской академии магии. В трижды проклятой академии!

— Девочки, кто-нибудь, позовите целителя!

— Целитель не пройдёт, у него допуска нет. Я сама всё сделаю.

И опять — если бы я была в сознании, то теперь я бы... узнала Силлин, возлюбленную Норта. Того самого боевика, который когда-то, в прошлой реальности, вёл по мужской общаге... Того самого, с которым делили стол. Того самого, кто так дружен с...

— О Всевышний! Девочки! Девочки, сейчас что-то будет! Они что-то затевают!

— Пусть затевают! — злой, очень злой рык. И совсем другим, наполненным слезами голосом: — Эмелис, Эмелис, дорогая, скажи! Объясни, что случилось?

Лёгкое прикосновение, которое я могла бы опознать как успокаивающее заклинание, и тихий досадливый вздох:

— Дохлый гoblin, не помогает.

А где-то далеко-далеко, на другом конце мира:

— Эти уроды готовятся атаковать!

И совсем-совсем близко, почти над ухом:

— Защита выдержит?

— А мне-то откуда знать?

Ещё одно прикосновение магии, которое отзывается щекотной волной прохлады. Потом кто-то подносит к губам чашку и заставляет пить. Вкуса не чувствую, глотаю с величайшим трудом, половину проливаю на платье.

Топот!

В этой густой, наполненной невероятным количеством звуков... тишине, чётко различим топот. Кто-то очень-очень торопится. Кто-то...

— Девочки, если вы не отдадите Эмелис, они пойдут на штурм!

Меня нет, меня не существует, но этот голос я узнаю сразу же. Помощник ректора, Тэссиан, один из немногих, у кого есть доступ в женскую общагу.

— Тэс, иди лесом! — зло бросает кто-то.

— Девочки, он разнесёт академию! — В голосе Тэссиана тоже злость звучит.

— А нам плевать.

— Что... так и передать? — вопрошает помощник ректора.

— Нет. Скажи ему знаешь что? Скажи Киру...

И я выныриваю из небытия, потому что тьму сметает волна удивления. Сознание возвращается всего на миг, но всё-таки. Просто очень интересно стало — мне чудится или Милли в самом деле такие слова знает? Такие... такие... ох, дохлый тролль! Да от таких слов не только девицы — стены краснеют! А она, а Милли...

Пауза.

— Ладно, передам, — соглашается Тэссиан.

Кажется, помощник ректора собирается уходить, но его окликают.

— Тэс, погоди. Помоги перенести Эмелис на кровать.

Мгновение, и я взлетаю в воздух. Если бы я была в сознании, я бы решила, что Тэс взял на себя роль парламентаря и всерьёз намерен держать нейтралитет.

— Девчонки, умоляю, одумайтесь. Отдайте ему Эмелис...

— Нет! — рычит Милли.

А будущая целительница Силлин, которая не пойми как в нашем крыле оказалась, добавляет:

— Тэс, ты взгляни, до чего он её довёл. Мы не отдадим Эмелис.

И тишина, обрыв, пропасть. Едкий запах какого-то зелья — его, судя по всему, прямо тут, под самым носом варят. Запах кажется знакомым — когда-то меня таким поили, если не путаю, в тот раз я едва не заболела пневмонией.

А потом опять голоса...

— Они будут пытаться пробить защиту, и только её. Атаковать сам корпус точно не станут, иначе всё попросту рухнет, а нас погребёт под завалами.

— Уверена? А я — нет. Кирстена видела? Он сейчас вообще ничего не соображает.

— Кир? Не соображает? Не смей меня... Может, его и переклинило, но не до такой степени, чтобы поставить под угрозу наши жизни.

— Ты хотела сказать: жизнь Эмелис?

— Не перегибай. Кирстен, конечно, сволочь, но это не повод всех собак на него вешать. Нам ничего не угрожает. Только взлом защиты и прорыв этой грёбаной команды, которая поддержала Кира.

— Команды?! Да там весь факультет боевой магии!

— Пофиг. Нас тоже немало. Выстоим!

Утро началось... странно.

Я никогда не держала в комнате чайник, да и кушать, честно говоря, предпочитала в столовой, поэтому лёгкий свист, последующее бульканье и настойчивый запах пирогов удивили очень. Я с огромным трудом открыла глаза, приподнялась на постели и застыла в изумлении.

Предчувствия не обманули. На моём письменном столе стояла магическая горелка, пузатый чайник, из носика которого текла белая струйка пара, несколько чашек и блюдо с пирожками. А на единственном стуле сидела Милли и примерялась к очищенной от обёртки шоколадке.

— Ты что тут делаешь? — выдохнула я. Голос прозвучал незнакомо, хрипло.

Подруга лучисто улыбнулась и подмигнула. Но на вопрос не ответила.

— С добрым утром, соня! — радостно заявила она и с каким-то кровожадным удовольствием впилась зубами в шоколадку.

— Милли? — позвала я.

— Что Милли? Вставай... А то на лекцию опоздаем. Кстати, у нас сейчас Ликси.

— Что?.. — Нет, я всё слышала, но ничего не поняла.

— Лекция по физану, — не потрудившись прожевать, заявила подруга. — И если ты сейчас же не вылезешь из постели, мы опоздаем.

«Вшивый гоблин, да что происходит?»

Я отбросила одеяло, села. Потом потянулась и сладко зевнула. Чувствовала себя так, будто...

— Милли, а сколько я спала?

— Почти сутки, — подтвердила мою догадку подруга.

— А...

А вот договорить не смогла. Воспоминания о событиях минувшего дня обрушились лавиной, дыхание перехватило, сердце болезненно сжалось.

— Только не плачь, — сказала вмиг посерьёзневшая Милли.

— Даже не собиралась, — эхом отозвалась я.

Крепко зажмурилась, выбросила из головы все-все мысли, выдохнула. Потом открыла глаза и встала.

— И всё-таки, что ты здесь делаешь?

Подруга плотнула из чашки, ответила, словно речь о пустяке:

— Тебя караулю.

— То есть?

— Силлин тебя вчера какими-то зельями отпаивала, сказала — нужно караулить. Пульс проверять, дыхание слушать... Вот я и слушала.

Ох, ну ничего себе.

— А как Силлин тут оказалась? Она же в другом крыле...

Девушка пожалала плечами, снова в шоколадку вгрызлась. Ладно, действительно не важно.

— Милли, спасибо...

— Эмелис, одевайся и садись за стол! — перебила сокурсница. И напомнила очень строгим тоном: — Иначе точно на лекцию опоздаем. Или кто-то из нас останется без завтрака.

— А в столовую мы уже не успеваем?

— Мы в неё не пойдём.

Ого...

Я в который раз огляделась и лишь теперь сообразила, что одета в привычную ночную сорочку, а не в платье. И что причёска, на которую горничная Бетти потратила уйму времени, расплетена. Стало быть, девчонки не только восстанавливающими зельями напоили, но ещё и переодели...

— Милли, я...

— Эмелис, дорогая, ну сколько можно! — снова перебила подруга. — Мы к Ликси опаздываем!

Что ж, настрой ясен. Он называется «ни слова о неприятностях».

— Делаем вид, будто ничего не случилось? — всё-таки уточнила я.

Милли бодро кивнула, столь же бодро разделалась с остатками шоколадки и потянулась за пирожком. А я накинула халат, сунула ноги в тапки и отправилась в умывальню.

Правда, сделав всего с полдюжины шагов по коридору, запнулась и замерла, потому что... на третьем этаже корпуса женского общежития дурборской академии магии всё было иначе, не так как обычно.

Всё те же стены, тот же пол, та же вереница дверей, но шум на этаже стоял невероятный. Нет-нет, никто не ссорился, наоборот. Двери большинства комнат были распахнуты и, заглянув в пару из них, я имела счастье узнать, что студентки двух последних курсов факультета защитной магии... завтракают.

Вернее как — все студентки двух последних курсов завтракают не в столовой, а в общаге!

Я пыталась решить эту загадку по пути в умывальню и во время утренних водных процедур. А на обратной дороге не выдержала — вломилась в первую попавшуюся комнату и спросила:

— Девочки, а что происходит?

— Ничего не происходит, — ровно ответила Лора. Моя сокурсница, кстати.

А сидевшая подле неё Велла улыбнулась и пояснила, будто я не вижу:

— Завтракаем.

Ага. То есть обет умолчания, он всеобщий? Ну ладно, и такое случается...

Вернувшись к себе, я сняла с вешалки первое попавшееся платье, спешно оделась. С ещё большей поспешностью расчесала спутавшиеся за ночь волосы, заплела пышную косу и присоединилась к набивающей живот Милли.

Пирожки, которыми угощала подруга, оказались умопомрачительно вкусными, правда, съесть смогла всего пару — самочувствие было более чем сносным, а вот с аппетитом беда. К счастью, на сытном завтраке никто не настаивал, но допить чай всё-таки пришлось.

Всё это время я чувствовала — что-то будет! Но что именно, узнала лишь тогда, когда пришло время покинуть общагу и отправиться на занятия...

Пока я доставала из чемодана вторую из трёх захваченных в Дурбор шубок, Милли успела сбегать к себе и одеться. После терпеливо дождалась, пока натяну сапоги и подхвачу сумку с учебниками. А когда вышли в коридор, схватила за рукав и шепнула:

— Подожди. — И уже громко, на весь этаж: — Девочки! Выходим!

О намерениях сокурсниц я, разумеется, догадалась. Но не поверила.

— Милли, это... что? — спросила тихо-тихо, почти шепотом.

— Охрана, — ответила подруга.

Я шумно вздохнула, но по-настоящему удивилась лишь в тот момент, когда мимо прошагала первая тройка защитниц — Дирра, Веза и Жез.

После истории на развалинах замка Тердона между мной и этой троицей пролегла такая пропасть, преодолеть которую не помогли ни совместные занятия, ни тренировочные бои, ни экзамены. Пара попыток примирения, которые предпринимали девчонки, провалилась с треском. Как и их попытки наладить отношения с Милли. В конечном итоге девчонки плюнули и тоже обиделись. Они откровенно кривились при встречах и едва не плевали в спину.

А вот теперь... они готовились принять первый удар. И что-то подсказывало — их не заставляли и не уговаривали, они сами это решение приняли.

Всевышний, неужели... всё настолько плохо?

— Милли, что вчера было?

— Да так, ерунда... — отмахнулась сокурсница и уверенно потащила к лестнице.

Я не противилась, и с вопросами решила повременить. Просто действие, которое разворачивалось здесь и сейчас, было до того необычным, что не до разговоров стало. Я смотрела и глазам не верила, и честно пыталась побороть шок.

Надо ли упоминать, что конфликт между мной и неразлучной троицей, возглавленной Диррой, был не единственным? Ничего особенного или необычного, просто на факультете, как и везде, народ делился на компании и компашки, которые не всегда ладили. Кто-то конфликтовал в открытую, кто-то своё отношение скрывал, кто-то дружил, кто-то регулярно ссорился. Да на факультете даже драки бывали! Без магии и свидетелей, но всё-таки драки.

Ну а с пятым курсом, который жил бок о бок с нами, конфронтация была открытой, хоть и вялотекущей. Не из вредности, просто так вышло. Мы же девчонки, и у нас всего две умывальни на этаж...

Но сейчас, в этот самый миг, об обидах никто не помнил. Пятикурсницы шагали бок о бок с нами, решительные и суровые. Компашки и компании перемешались, границы стёрлись, вражда отошла даже не на десятый, на сотый план.

И это было так... невероятно.

Впрочем, наш выход из общаги ещё невероятнее был...

Едва оказались в холле, Милли снова придержала за рукав, хотя я на передовую и не лезла. Рыженькая Дирра, которая уже стояла у входной двери, обернулась и обвела собравшихся суровым взглядом истинного полководца.

Дальше — больше.

Дирра расправила плечи, распахнула дверь и смело шагнула на крыльцо. Веза и Жез последовали за ней. Следом ещё с дюжину девчонок выскочило, и только после этого Милли отпустила мой рукав и скомандовала:

— Идём!

Шаг. Ещё один. Третий. Сердце стучит ровно, но душа дрожит. Приходится стиснуть зубы — увы, я прекрасно понимаю, от кого намерены защищать девчонки. Я точно знаю, кто стоит у крыльца общаги, и... мне плевать!

Вдох. Морозный воздух наполняет лёгкие, а я заставляю себя улыбнуться. Всё хорошо, всё отлично. Солнце светит, снег блестит, а ещё... ещё весна неминуема, хоть и придёт нескоро. И вообще, жизнь продолжается. Теперь она будет лучше, потому что за каждым падением неизбежно следует взлёт, и я...

— Эмелис, нам надо поговорить.

Я вздрагиваю и невольно перевожу взгляд на него...

Это была ошибка. Самая большая, но, пожри меня дракон, неизбежная.

Почему неизбежная? Да просто я — Эмелис из рода Бьен, я не имею права опускать глаза. Да и не могу, меня с детства учили смотреть прямо. Кирстена учили тому же...

Итог этих уроков?

Наши взгляды встретились, и... и всё. Я пропала.

Я пропала окончательно и бесповоротно, потому что в этот миг поняла ужасную вещь — я его люблю. Даже теперь, после всех этих слов и слёз, люблю. И разлюбить уже не сумею.

Боль, пронзившая сердце, была куда острее той, вчерашней. Улыбка слетела с моих губ в момент, на глаза навернулись слёзы.

«Богиня, за что мне это? Почему?!»

— Эмелис, выслушай меня. Пожалуйста...

Я отвернулась, подобрала подол и начала спуск по лестнице.

Тот факт, что синеглазый предатель явился не один, что у нашей общаги два последних курса факультета боевой магии толкуются, не тронул ни чуточки. И почему-то не удивил.

— Эмелис!

Кир стоял в десятке шагов. Взъерошенный, потрёпанный и... ужасно злой. Да, злой! Словно это не он, словно это я во всём виновата. Будто это я сыпала обещаниями, а после насмеялась и унижала, искренне веря, что он не узнает.

Впрочем, есть вероятность, что причина его злости крылась в другом — девчонки подняли щиты. Дружно, разом.

— Девочки, хватит! — рыкнул кто-то.

Милли, шагавшая рядом со мной, оскалилась.

И вот теперь в памяти начали всплывать обрывки вчерашних видений... Вернее, не видений, а того, что в тот момент казалось бредовым сном, последствием прогулки по морозу и накотившей истерики.

— Они штурмовали общагу? — вопрос сорвался с уст сам. Изумление, прозвучавшее в голосе, совсем не притворным было.

— Ну да, — ответила вмиг повеселевшая Милли. — Причём трижды.

Я не выдержала — переключилась на второе зрение и обернулась, чтобы взглянуть на корпус и тихо выругаться.

Заклинание, которое запрещало парням доступ на нашу территорию, относилось к числу сверхпостоянных. Оно не просто накладывалось на здание, оно вплеталось в структуру ещё в момент постройки. Единственным, что оставалось открытым для изменений, была матрица доступов — блок заклинаний, с помощью которых можно дать разрешение на вход любому лицу.

Но зная изобретательность студиозусов, которая во все времена зашкаливала, защита на матрицу доступов ставилась такая, что снять только архимаг мог.

Раньше, до сегодняшней ночи, при переходе на второе зрение мы могли видеть сложный, красивый, чуть мерцающий узор, плющом обвивающий стены корпуса. Сейчас вместо плюща была дырявая сеть.

— Ужас... — выдохнула я. — Это всё боевики?

— Нет, — ответила Милли беззаботно. — Им ещё универсалы ломать помогали.

Матрица доступов, к счастью, выдержала.

Да уж! Точно, к счастью!

— Милли, а преподы? Почему они не вмешались? Почему допустили штурм?

— Ну... они вмешались. Вернее, попробовали. Но видишь ли, в заварушке весь факультет боевой магии участвовал, так что...

О Всевышний, скажи, что мне это чудится! Скажи, что такого не было!

Всевышний, разумеется, промолчал. А вот Кирстен...

— Эмелис, нам надо поговорить. Пожалуйста!

Я сделала вид, что не слышу, и продолжила путь.

Точно знаю — это шествие было самым масштабным за всю историю дурборской академии магии. Впрочем, у нас, в Верилии, подобного тоже не случалось.

Два факультета защитниц — а это без малого шестьдесят девчонок, с поднятыми щитами, которые накладываются друг на друга и, сливаясь в один, образуют щит, равносильный физическому. А за ними... шесть десятков злющих, не выспавшихся, голодных боевиков.

Парни, как объяснила Милли, со вчерашнего вечера у нашей общаги дежурили. Ночью, когда стало ясно, что старшекурсники с факультета универсальной магии не в силах сломать матрицу доступов, а переговоры с девчонками на тему выдачи меня провалились, отряд боевиков в составе ста пятидесяти человек начал атаку.

Стены не трогали, били самыми слабыми заклинаниями, из числа тех, которые не способны повредить материю, но непременно наносят вред энергетической структуре. Некоторые из юных и особо горячих пытались прорваться в общагу просто так, без изысков, как к себе домой... Защита неизменно отбрасывала, а боевикам оставалось лишь радоваться, что на дворе зима, а сугробы высокие и относительно мягкие.

Пока парни с универсального возились с матрицей доступов и плетением защиты, девчонки с того же самого факультета универсальной магии пробились к нам. Тот факт, что боевики блокировали вход в наше крыло, магичек не смутил. Девочки, проживавшие в соседнем крыле, через окно умывальни вошли. Прогулка по карнизу третьего этажа закончилась благополучно для всех, чему я особенно порадовалась.

Дальше дело пошло веселее. Обозлённые магички с универсального принялись усиливать защиту, которую ломали их коллеги. Надо ли упоминать, что у девчонок было преимущество? Во-первых, в корпусе тепло и снега нет, во-вторых, у них имелся доступ к стенам, то есть возможность прямого воздействия на заклинание.

Силлин, которая тоже в соседнем крыле проживает, в окно не полезла. Она прошла через оцепление без всяких проблем. Просто сказала парням пару десятков предельно «добрых» слов, и всё. Да, целители временами пострашнее трёхрогой гидры в период линьки.

Следом появились господин Канг и госпожа Флесса — деканы вставших на тропу войны факультетов только-только из отпуска, приуроченного к каникулам, вернулись. И были посланы! Причём госпожа Флесса тоже в общагу прорваться пыталась, но её боевики не пустили. Видимо, после явления Силлин, парням уже ничего не страшно было.

Атаки же самих боевиков продолжались до трёх ночи, а прекратились вовсе не потому, что у магов силы кончились, просто... просто кто-то из девчонок не выдержал, открыл окно и крикнул:

— Совсем фонарели? Вы же сейчас Эмелис разбудите!

Вот после этого Кир скомандовал отбой, а у корпуса остались только два курса из шести. Почему парни не ушли вовсе, Милли не знала, но предполагала, дескать кое-кто решил, что если снять оцепление, то меня втихушку выведут из общаги и отправят через стационарный портал туда, где найти нереально. Я признала это рассуждение здравым, потому что будь сама на месте девчонок и преподав, я бы именно так и сделала.

Но самым удивительным в этом противостоянии было то, что причин нашей с Киром ссоры не знал никто. Я ничего не рассказала, ибо находилась в невменяемом состоянии, а Кирстен... ну в его молчании тоже ничего странного нет. Кто, будучи в здравом уме, признается в столь подлом поступке?

Тем не менее собрать боевиков он сумел... А потом, как поняла, всем стало совершенно безразлично из-за чего свара. Студизосусы вошли во вкус и останавливаться уже не желали.

А ещё, глядя на мою истерику и ярость Кира... защитницы объявили боевикам бойкот. Массовый и беспощадный. Из солидарности. Так что по дороге к главному учебному корпусу не только я отмалчивалась, молчали все!

И вот в этом тотальном молчании мы дружно подошли к гардеробу, сдали шубки и плащи. Всё так же молча преодолели два лестничных пролёта. Дальше пришлось разделить — у пятикурсниц лекция в соседней аудитории была, а у нас... у нас проклятый физан, который вместе с боевиками проходим.

Когда половина щитов была снята, а пятикурсницы отступили, стало страшновато — общий щит истончился и вероятность прорыва, конечно, повысилась. Я на толпившихся подле нас боевиков не смотрела, да и сложно было разглядеть, потому что меня в середине толпы держали, но всё-таки заметила — Кир дёрнулся. Дёрнулся в намерении прорваться сквозь оцепление, но его удержали. Кто? Не уверена, но кажется Норт.

В аудиторию мы входили поразительно дружно. Мы — в смысле защитницы. А рассаживались быстро и совсем иначе, нежели обычно... Ведь физан — это тот предмет, где народ всегда садится парочками, а тут все девчонки сели вместе.

Парни наблюдали за нашими манёврами с явным неодобрением. Потом столь же гордой толпой прошествовали мимо и расселись на соседнем ярусе, через проход.

Только после этого девчонки опустили щиты, а профессор Ликси, который всё это время стоял за кафедрой, выдохнул и прокашлялся.

Преподаватель по физическому анализу боевых систем, так похожий на гоблина, был бледен. И насмешку судьбы, которая бросила его в самую гущу событий, явно не оценил. Зато я порадовалась — просто Ликси всегда с таким упоением глумился над студентами, что повод поглумиться над ним самим воспринимался очень даже прекрасно. Даже несмотря на то, что для меня эти события были крайне болезненны.

— Хм... — сказал Ликси. — Хм...

Ответом ему была тотальная, абсолютная тишина.

— Хм... Доброе... доброе утро, господа студенты.

Никто не шелохнулся.

— Эм... этот семестр, как вам известно, у нас с вами последний. В этом семестре мы будем...

Договорить Ликси не смог, сбился. Шумно вдохнул, вытащил из кармана камзола белоснежный платок и отёр совершенно сухой лоб. Руки профессора заметно дрожали, глазки бегали.

Я точно знала — преподаватель по физану в своих чувствах не одинок. Сейчас весь

преподавательский состав дурборской академии в таком же состоянии пребывает. Слишком круто второй семестр начался.

— Этот семестр, господа студенты, очень важен... — снова попробовал заговорить Ликси. — Экзамены, которые состоятся в конце года...

Он снова сбился, снова потянулся за платком. Потом плюнул, подхватил огромную учительскую тетрадь и пошел к доске.

— Пишем условия задачи, — сказал препод.

Гробовая тишина, которая всё это время царила в аудитории, сменилась шорохом — девчонки открывали сумки, доставали тетради, перья и чернильницы. Парни, в подавляющем большинстве, явились на занятия с пустыми руками, так что по ту сторону незримых баррикад было значительно тише.

Ликси начал выводить условия задачи, но почти сразу выронил мел. Скрип перьев, который казался оглушительно громким, прекратился. Через минуту перья заскрипели опять, но профессор выдохнул, извинился и стёр два последних показателя, чтобы заменить их другими. Потом опять извинился, покачал головой, и вообще всё написанное с доски вытер.

Снова вернулся за кафедру. Окинул аудиторию мутноватым взглядом, устало вздохнул и пошёл к преподавательскому столу.

— Знаете... жизнь... жизнь настолько непредсказуемая штука... — сказал Ликси и тут же умолк.

В аудитории снова воцарилась тишина. Возможно, для кого-то она была нервной, но лично я воспринимала это беззвучие совершенно спокойно. Тревожило только одно — навязчивое желание повернуться и взглянуть на Кира, но я держалась.

— Господа студенты, вы знаете... природа боевой и защитной магии так сложна... — снова попробовал заговорить препод. — Сказители и храмовники уверяют нас, дескать, разделение магии, её гендерная принадлежность связана с конфликтом создателей. Мол, создавая наш, первый из семи миров, Всевышний и Богиня повздорили. Богиня осерчала настолько, что посмела замахнуться на Всевышнего не то скалкой, не то сковородой, а он... когда настало время наделять людей магией, ссору припомнил. Именно поэтому дар к боевой магии был отдан мужчинам, а женщинам досталось... ну то, что досталось. Но это сказки, господа студенты. Сказки...

Мы с вами люди взрослые и довольно-таки образованные. Мы с вами те, для кого магия не миф, а реальность. Мы знаем, что заклинание не само собой появляется, что создание заклинания это труд, это знание, это мастерство! А ещё нам известна научная, то есть истинная, причина гендерного разделения боевой и защитной магии. Она сокрыта в самом существе, в самой сути человека.

Что такое... эм, простите... кто такая женщина? Женщина по природе своей хранительница. Её главная задача — оберегать потомство. Если мужчина, от которого это потомство произведено, признаётся объектом полезным, то он так же подлежит защите. Понимаете?

А у мужчины суть другая. Мужчина по природе завоеватель. Активное, как выражаются некоторые исследователи, начало. Мужчина склонен добывать, завоёвывать, сражаться... Так что нет ничего удивительного в том, что дар к боевой магии именно у мужчин проявляется.

Ликси шумно сглотнул, вынул несчастный платок и опять промокнул совершенно сухой лоб.

— Вторым, несомненно важным моментом, который мы рассматриваем, когда говорим

о боевой и защитной магии, является вопрос взаимодействия. Вам, конечно же, знаком вот этот символ...

Препоод подскочил и ринулся к доске с такой прытью, что я невольно вздрогнула. Уже знала, что изобразит Ликси — знак, который в студенческой среде называли не иначе как «выхухоль», за дурацкое начертание и невероятную сложность расчёта. Собственно, задачи, в которых присутствовала эта переменная, являлись поводом к самоубийству. Даже для меня.

— Переменная проходимости щита, — озвучил очевидное препода. Ткнул пальцем в выведенный мелом символ. — Самая, согласитесь, неприятная величина.

Мы, разумеется, соглашались, но кивнуть не решился никто.

— Что говорят на тему взаимодействия храмовники? — продолжал вещать Ликси. — Они утверждают, дескать, Богиня не одобрила решения Всевышнего отдать боевую магию мужчинам и только им. Богиня наделила женщин магией к защите, а сама ринулась на мужа с кулаками... Но создатели всё-таки помирились. Пришли, что называется, к консенсусу. И на почве этого консенсуса внесли небольшое, но существенное дополнение. Соединившись, боевой маг и защитница способны усиливать друг друга и сглаживать недостатки. Так говорят храмовники. А что говорит на этот счёт наука?

В аудитории царила прежняя тишина. Отвечать на вопрос не торопился никто.

— Правильно, — сказал Ликси. — Наука на этот счёт молчит. Доказательств нет, есть только версия. Версия о том, что проходимость щита зависит от совместимости магов. То бишь от совместимости защитницы и боевика.

К чему я это говорю... — пробормотал препода.

Да, мне тоже интересно, к чему он это говорит. Прописные истины, лекция для первого курса.

— К чему я это говорю... — повторил гоблинообразный лектор. — А к тому, что практические испытания доказывают: эта совместимость зависит отнюдь не от отношений боевика и защитницы друг к другу. Она лежит в иной, не подвластной разуму плоскости. Это как тот же гендер — нечто трудно объяснимое и данное изначально. Нечто, что находится глубоко в нас.

Так вот, если полотно щита пропускает без искажения любую атаку боевого мага, который под этим щитом стоит... если коэффициент искажения и, соответственно, переменная проходимости щита равны единице... — Препоод спешно пририсовал к «выхухоль» знак равенства и начертал единицу. Шумно вздохнул и заключил: — Если переменная проходимости щита равна единице, то это — судьба.

Вот теперь платок был в самом деле нужен, потому что на лбу лектора заблестели капельки пота. Только в этот раз Ликси не платком, а рукавом утёрся.

— Я учёный, — сказал препода устало. — Я не признаю религию. Но тут я готов согласиться с мнением храмовников и сказителей. Это судьба, господа студенты. Понимаете?

Не знаю, как остальные, а я понимала. Я понимала, что в этой аудитории есть только одна пара боевик — защитник, чей «коэффициент искажения» равен единице. Но я категорически не понимала другого — какого дохлого тролля ядовитый Ликси записался в сводники?!

Я всё-таки не выдержала: повернула голову и бросила гневный взгляд на Кирстена.

Ощущения подтвердились — всё это время боевик таранил меня взглядом и точно знал, что обернусь, потому что даже не моргнул. Более того, он оставался невозмутим, как сытый дракон, и зол, словно рой диких пчёл. Но спустя мгновение Кир это спокойствие утратил...

Дверь в аудиторию отворилась. В царившем безмолвии уверенный голос Тэссиана прозвучал как-то ну о-очень по-особенному.

— Профессор Ликси, извините, что прерываю. Мне нужна госпожа Эмелис.

Маска невозмутимости с лица Кирстена слетела, брюнет дёрнулся, а я обернулась к препода. В самом деле не была уверена, что отпустит.

— Повод? — спросил лектор хмуро.

— Госпожу Эмелис вызывает ректор.

Я тут же отложила перо, захлопнула тетрадь и принялась завинчивать чернильницу, но Тэссиан перебил:

— Госпожа Эмелис, не нужно. Господин Морвен сказал, вопрос на четверть часа, вы успеете вернуться.

О том, что кое-кто моё намерение проследовать с Тэссианом не одобряет, я узнала ещё до того, как в аудитории прогремело решительное «Эмелис никуда не пойдёт!». Просто... девчонки щиты подняли.

— Кир, ты нервы лечить не пробовал? — огрызнулся помощник ректора.

Послышался глухой рык, но я внимания не обратила. Благодарно кивнув сокурсницам, встала, но выбраться из-за парты не могла, потому что сидела в середине. Девочки тоже поднялись, причём все. Дружно и медленно, мы двинулись к двери.

— Эмелис, стой! — рыкнул Кирстен.

Я не видела, но судя по звукам, с места не только он вскочил...

— Не смейте! — взвизгнул Ликси. — Не смейте применять магию в корпусе! Иначе все из академии вылетите! Сегодня же!

Реплика явно не к девчонкам относилась, к боевикам. От щитов, которыми меня закрыли, разрушений и травм точно не бывает.

— Эмелис...

Я не слушала. Решительно подошла к Тэссиану, кивнула.

— Мы прикроем, — сообщила Милли, которая всё это время держалась рядом.

Вот теперь я обернулась, чтобы увидеть ещё одну небывалую картину — магички выстроились полукругом, перекрывая выход. Щиты, разумеется, слились. Без перехода на второе зрение они выглядели как большой, но блёклый мыльный пузырь, зато когда я это второе зрение активировала... Радуга! Яркая, сильная, незабываемо прекрасная.

Впрочем, перекошенные лица боевиков, которым всё-таки хватило ума попридержать атакующие заклинания, понравились не меньше.

— Девочки, с дороги, — прорычал Кир.

— Перетопчешься. — Рык рыжеволосой Дирры был столь же грозен.

Точно знаю — на этом разговор не закончился, но я его продолжения не слышала. Просто вышла вслед за Тэссианом и плотно прикрыла дверь.

Сухопарый помощник ректора шумно выдохнул и даже покачнулся слегка. Потом кивнул на подоконник, где обнаружилась моя шубка, и спросил:

— Эмелис, ты как себя чувствуешь?

— Хорошо. Силлин постаралась.

— Тогда... бегом, ладно?

Уговаривать меня, разумеется, не пришлось...

Всю жизнь, сколько себя помню, меня щадили, оберегали, за мной присматривали. Да и сама на рожон не лезла, в неприятности не впутывалась и вообще старалась вести себя взвешенно. Наверное, именно поэтому сколь-нибудь острых событий в моей жизни раз-два и обчёлся. Поездка в дурборскую академию магии — одно из них.

И по той же причине я очень редко испытывала чувство страха. Ну не было у меня поводов бояться! Не было... До этого дня.

Я отлично понимала: Кир, несмотря на все эти рыки и неприкрытую злость, вреда не причинит — просто руки у bruneta коротки. Но мчась по расчищенной от снега дорожке, я ужасно, просто до коллик боялась, что боевик догонит. Слишком хорошо представляла, чем грозит эта встреча.

Разговором! Глупым, унижительным разговором, в ходе которого меня будут пытаться убедить, будто чёрное — это белое, и наоборот.

Я уже прямо слышала это гнусное, исполненное лживого отчаяния: «Эмелис, ты всё не так поняла! Просто не время, понимаешь? Я собирался сказать отцу, но чуть позже. Я должен был его подготовить. Ты же умница, Эмелис, и тебе не хуже меня известно, как устроена жизнь. У семьи свои планы на мой брак, но... мы справимся, любимая».

Впрочем, после того представления, которое устроила в библиотеке, Кир может и другой контрданс станцевать. Под названием «Как ты могла так меня подставить, Эмелис!»

Ведь отец Кирстена далеко не глупец и, разумеется, понял, что до дома терпимости мне ой как далеко, а вот до академии магии — близко. Это был второй повод мчаться за Тэссианом, не обращая внимания на бьющий в лицо холодный ветер и болезненную колотьбу в боку.

Помнится, синеглазый упоминал, что за ним с самого начала была установлена слежка. Но Киру удалось вычислить и перенастроить почтовый портал, которым ректор отправлял донесения деспотичному родителю. Все письма проходили цензуру боевика. Он переписывал послания, подделывая почерк ректора, и жил в своё удовольствие.

После концерта в библиотеке отец Кира точно сообразит, что в докладах, которые ему отсылали, есть дыры. Он непременно придёт разбираться, и я не уверена, что жабообразный глава академии выдержит этот допрос. Впрочем, даже если Морвен меня не сдаст, расследование всё равно неминуемо. Рано или поздно моё инкогнито будет раскрыто, а значит, есть только один выход — бежать!

Куда именно — вопрос десятый, главное — подальше отсюда.

И нет ничего удивительного в том, что мои желания совпали с желаниями администрации. Я стала проблемой, причём глобальной. Если от меня не избавиться, то к вечеру дурборская академия может лишиться пары корпусов, а авторитет преподавательского состава обратится в прах.

— Стой, — выдохнул Тэссиан, когда мы взлетели на крыльцо административного корпуса. И даже за рукав поймал, чтоб уж наверняка.

Сухопарый помощник ректора дышал тяжело, моё дыхание тоже сбилось, в боку по-прежнему кололо, щёки пылали.

— Нужно отдышаться, — пояснил парень. — И... там твой отец.

Услышав эту новость, я едва не рухнула. А потом вцепилась в Тэссиана, спрятала лицо у

него на груди, потому что справиться с эмоциями не получалось. Большого счастья я и вообразить не могла, но... если папа увидит в таком состоянии, допроса не избежать. Впрочем, допрос всё равно будет, но я должна заработать хоть маленькую отсрочку.

Дыши, Эмелис из рода Бьен. Дыши!

Порог телепортационного зала, куда ввел Тэссиан, я переступала с очень серьёзным, очень сосредоточенным лицом. Сердитый взгляд по сторонам. Миг. Момент узнавания, и из груди вырывается сдавленный стон, на глаза наворачиваются слёзы.

Слёзы настоящие, потому что плакать по заказу я так и не научилась, а вот всё остальное — притворство чистой воды. Единственный способ избежать допроса.

Впрочем, лгу. Радость тоже настоящая.

— Папа...

Да, приличным, воспитанным девушкам бросаться на шею к мужчинам не положено, даже если мужчина — родной отец. Но я же, ко всему прочему, магичка. Я не постеснялась, а господин Форан... он не возражал.

Отец ничуть не изменился за это время. Всё та же лёгкая полнота, пухлое лицо с заметными мешками, лысина, которая была у папы, сколько себя помню, и седина, которая появилась не так давно. В момент, когда он только поступил на службу во дворец, эта самая плешь и маленький рост являлись поводом для насмешек, но... времена давно изменились.

— Эмелис...

Объятия, которыми меня встретили, были болезненно крепкими и до того жаркими, что слёз не удержала. Прижалась щекой к сухой щеке отца, громко всхлипнула. И тут же услышала добродушное:

— Поёлно, Эмелис... Всё хорошо.

А следом нервное покашливание и куда менее оптимистичное:

— Господин Форан, простите, но вам бы поторопиться.

От этих слов невольно вздрогнула, а вот отец остался спокоен и невозмутим. Едва я выпустила его шею из захвата, обнял за плечи и кивнул ректору.

— Мы готовы, господин Морвен.

Круг портала слабо мерцал, что означало — переход случится незамедлительно. Жаба уже шагнул к кругу и прокашлялся, готовясь прочесть заклинание, когда в наш междусобойчик вклинился Тэссиан.

— Госпожа Эмелис, ваш саквояж, — сказал парень, протягивая предельно знакомую вещицу. — Вы простите, но всё случилось так неожиданно, что собрать остальные вещи не успели. Ваши чемоданы отправим транспортным драконом.

— А это? — уточнила я, кивнув на саквояж.

— Здесь, как объяснила комендант вашего общежития, всё самое ценное. Драгоценности, духи, бумаги...

Саквояж, конечно, взяла, и лишь теперь поняла — я... ничегошеньки не понимаю.

Папа в академии, и это прекрасно, но как он тут очутился? Вернее — почему пришел? Переступая порог административного корпуса, я была убеждена, что отца вызвал Морвен, ибо причин для обращения к моему родителю предостаточно. Но если бы господин Форан знал хотя бы часть истории, он бы не был столь спокоен.

А его реакция на эту спешку? Ведь папа не против поторопиться. Почему?

— Господин Форан, госпожа Эмелис, прошу, — сказал ректор, отступая от начавшего вращение круга.

— Благодарю вас, господин Морвен, — кивнул отец.

Я тоже сказать хотела, но мне не дали.

— Прощайте, господин Форан. — В этот раз ректор даже поклон отвесил. И уже мне: — Госпожа Эмелис, я...

Где-то снаружи раздался оглушительный грохот, и Жаба запнулся. В маленьких, глубоко посаженных глазах ректора мелькнула паника.

— Вам пора, — нервно сглотнув, заключил Морвен.

Отец благодушно кивнул, и мы шагнули в портал. Мир изменился.

Стационарные порталы — штука отличная, но, увы, не всемогущая. Действие каждого ограничено качеством порталной матрицы и мощностью источника, который портал питает. При переходе в замок госпожи Венты проблем не было потому, что замок не так уж и далеко от академии. А вот столица Верилии, увы, несравнимо дальше.

Нам пришлось пройти ещё три портала, о местонахождении которых я не догадывалась, да и не спрашивала, прежде чем взгляду предстал смутно знакомый зал, с колоннами розового мрамора. Отец вновь прижал меня к груди, а за спиной прозвучало утливое:

— С возвращением, господин первый министр. С возвращением, госпожа Эмелис.

Я перестала дышать, но всего на миг. Когда отец разжал объятия, повернулась к говорившему. Он был высок и худощав, а лицо показалось знакомым. О том, что действительно могли видеться, свидетельствовал значок на отвороте камзола — щит с пересекающей его молнией. Символ верилийской академии магии.

— Дежурный маг, — с поклоном пояснил молодой человек.

Уголки его губ дрогнули, а я совсем растерялась. Просто очень трудно перестроиться и...

— А мы...

— Королевский дворец, — разгадав моё недоумение, пояснил маг.

Я внутренне дрогнула. Ну да, конечно.

Следующие мои слова парню пришлось читать по губам.

— Портал заблокируйте.

Сказала, и лишь после этого до меня дошло. Дворец. Мы во дворце! А это дежурный маг, и портал он в любом случае заблокирует, чтобы избежать несанкционированных переходов. Сюда вообще без метки вызова не попасть. Так что Кирстен, даже если вычислит наш путь, не догонит.

А следом осознала ещё кое-что...

— Первый министр? — резко поворачиваясь к отцу, прошептала я.

Папа улыбнулся и кивнул.

— Но...

Договорить я не успела, потому что двери зала распахнулись и на пороге возник высокий молодой мужчина с длинными пепельными волосами, чёрными, как сама ночь, глазами, тяжелым подбородком и орлиным носом. Он был одет в чёрный камзол, строгость которого нарушала лишь россыпь бриллиантов на воротнике-стойке, узкие брюки и высокие сапоги. А ещё... ещё он улыбался. Причём исключительно мне.

— Рид, — выдохнула я ошарашенно. Нет, я знаю, что он всегда при отце, но увидеть жениха так скоро не ожидала.

А ещё меньше ожидала увидеть, как отец сгибается в поклоне, чтобы через миг произнести:

— Ваше величество...

Шок? Нет, это не шок, а самый настоящий обморок! Только воспитание и осознание того, где именно нахожусь, позволили сдержаться от слишком бурной реакции. Впрочем, строить из себя каменное изваяние тоже не стала — удивлённо приподняла брови и чуть-чуть, самую малость, приоткрыла рот.

Рид подал знак дежурному магу, и тот поспешил выйти. И лишь когда остались втроём, отец соизволил пояснить.

— Планы немного поменялись, — сказал он. Потом развернул к себе, взял моё лицо в ладони и добавил с улыбкой: — Ты не станешь принцессой, Эмелис. Ты станешь королевой.

По спине побежал холодок, ноги резко ослабли, но я не позволила себе покачнуться. Прошептала только:

— Папа...

Но он уже не слушал, отступал, чтобы освободить место... моему жениху.

Рид приблизился стремительно. Столь же стремительно обвил руками мою талию и прикоснулся губами к щеке. Я онемела и ослепела, но... но у меня были лучшие учителя и выдавить из себя улыбку, которая со стороны казалась счастливой, я сумела.

— Вечером поговорим, — подмигнул отец. Невероятно довольный, невероятно счастливый. Я же, едва ли не впервые в жизни, оказалась на грани самого настоящего обморока.

Хотелось крикнуть — подожди! Не уходи! Не оставляй меня тут! Но...

— Я ужасно скучал, — прошептал Рид. А когда за отцом закрылась дверь, отнял саквояж, который по-прежнему сжимала в руке, бросил этот самый саквояж на пол и прильнул к моим губам.

Рид целовал напористо и жадно. Не давая шанса не то что отстраниться — даже ответить на поцелуй! А я... а мне так дурно стало, даже голова закружилась и тошнота подступила.

— Эмелис, малышка... — прервав эту пытку, выдохнул Рид. — Я...

И снова поцелуй. Куда более жадный, чем первый. Его язык... он, кажется, уже в горле!

Сил сопротивляться не было, но я всё-таки смогла упереться ладонями в грудь жениха, намекая тем самым, что это безумие пора заканчивать. Ридкард, хвала Всевышнему, понял и от губ моих оторвался.

— Я тоже скучала, но... всё так неожиданно.

— Тебя с лекции выдернули? — с тёплой улыбкой спросил Рид.

— Да.

О нет! Когда же это кончится!

Я едва сдержала желание вонзить каблук в его ногу и поднять физический щит. От желания укусить тоже с трудом удержалась. Зато когда наречённый выпустил мои губы из очередного плена, была готова ко всему и допускать четвёртого поцелуя не собиралась.

— Рид, я безумно за тебя рада. Ты самый достойный...

— За нас, — перебил черноглазый.

Я несколько опешила, а он пояснил:

— За нас, Эмелис. Это наша победа. Твоя и моя.

Ох... дохлый тролль! Я знаю, что отец ради меня старался, но называть вхождение на престол Верилии моей победой — это слишком.

— Ты моя королева, — продолжал Ридкард. — Ты моя... Я так хотел, чтобы ты

присутствовала на коронации, но обстоятельства...

— А когда состоялась коронация?

— Вчера, — отозвался... их величество. Обнял крепче, так, что больно стало, и добавил: — Представляешь, мы же на грани провала были. Но Дурбор отозвал войска, которые выслал в поддержку Уйлима, и вот. Большая часть оппонентов переметнулась на нашу сторону. Парламент поддержал почти единогласно. Верилийская армия большей частью промолчала, поэтому предстоит чистка. А маги...

— Что маги?

— Центрус не признаётся, но все понимают. Маги поддержали из-за тебя. Королева с сильным магическим даром устраивает Орден куда больше, нежели обычная, пусть и родовитая, женщина.

— Рид, погоди... — Этот шквал информации с толка не сбил, но я всё-таки растерялась. — Рид, расскажи по порядку.

— Вечером, — ответил наречённый.

Опять потянулася к губам, но я увернулась. Воскликнула протестующе:

— Рид!

— Любопытство сильнее? — усмехнулся черноглазый.

Вывод неверный, но я кивнула. Правда, подробностей всё равно не добила, ответом мне стало уже слышанное:

— Вечером.

Он выпустил из капкана рук, отступил на шаг и церемонно поклонился. Жест своеобразный — ведь Рид... раздери меня гоблин, никак не могу привыкнуть к этой мысли. Рид — король!

Я хотела присесть в реверансе, но передумала. Во-первых, я — магичка. Во-вторых, имею полное право побыть в шоке. Ведь новость в самом деле неожиданная. Зато я решилась спросить:

— А почему вечером? Почему не сейчас?

— Сейчас у меня совещание, — улыбнулся мой будущий муж. — Я сбежал, чтобы встретить тебя.

Радости по этому поводу не испытала, но приличную моменту улыбку изобразила.

— Устраивайся, малышка. Приходи в себя. А мы с Фораном придём, как только освободимся.

— Спасибо, — выдохнула я. И добавила совсем тихо: — Спасибо, дорогой...

В резиденции верилийских монархов я, разумеется, бывала не раз — всё-таки не простая селянка, а дочь первого министра. Но мысль о том, что теперь мне придётся жить в этих стенах, вызвала лёгкий прилив паники.

Шагая по коридорам и залам, вслед за приставленной ко мне горничной, я мысленно вздыхала и морщилась. Правда, спроси кто — а чем не угодил дворец, ответить бы не сумела. Не знаю. Просто неуютно и всё.

Вот только вырваться отсюда, хоть на время переехать в родовое поместье семьи Бьен не получится. Меня не отпустят, в том числе из соображений безопасности. Я ещё не знаю всей ситуации, но одно ясно наверняка: надеяться на то, что все оппоненты отца уже успокоились — глупо. Значит, придётся быть очень осторожной и... послушной.

Мы преодолели ещё один лестничный пролёт и оказались в длинном коридоре. Яркие магические светильники под потолком, изящные статуи в нишах, массивные, явно усиленные

магией двери. Покои, отведённые мне, располагались примерно посередине.

Горничная — стройная женщина средних лет с печатью усталости на лице — сноровисто отперла дверь и отстранилась, пропуская в небольшую, не слишком уютную гостиную. Я ощутила лёгкий запах сырости и плесени — видимо, этими комнатами очень давно не пользовались, а готовили покои в явной спешке.

В малюсеньком кабинете, который примыкал к гостиной, посторонних запахов не чувствовалось. В спальне — тоже.

— Как вас зовут? — обратилась я к горничной.

— Моё имя Тильда, — сделав книксен, сообщила та.

— Как давно вы служите во дворце?

— Десять лет, госпожа.

Я не выдала своей тревоги даже взглядом, но ход моих мыслей женщина поняла верно.

— Сейчас всю дворцовую прислугу проверяют менталисты, — потупившись сообщила Тильда. — Я проверку уже прошла, так что...

Я оборвала её речь жестом. Кивнула. Делать вид, будто ни секунды не сомневалась в порядочности горничной, не собиралась. Просто лгать в этой ситуации бессмысленно, и нет ничего удивительного в том, что меня интересует благонадёжность этой женщины.

— Саквояж можете поставить на комод, — сказала я. — И принесите чаю.

— Конечно, госпожа Эмелис.

Женщина удалилась, я же сняла шубку и отправилась выяснять, какая из трёх дверей, обнаруженных в спальне, ведёт в гардеробную.

Ну вот и всё, конец моей свободе. О дипломе мага-защитника тоже можно забыть, потому что вернуться к учёбе мне точно не позволят. Впрочем, последнее расстраивает меньше всего. К дохлому троллю магию. И Кирстена туда же.

— Я очень рад, что тебя тут не было, Эмелис, — начал рассказ отец.

Он сидел в кресле, в гостиной моих новых покоев, с бокалом вина в руке. Рид разместился в соседнем кресле, тоже бокал держал, но пить явно не собирался.

— Знаешь, все эти интриги... Я не ожидал, что всё выльется в столь грязную игру, — со вздохом сказал отец.

Я одарила его печальной улыбкой, но ни чуточки не поверила. Всё он знал. Кому знать, как не ему?

— Ты же помнишь, последние два года их величество Рангар был настолько слаб и болен, что делами королевства совсем не занимался. Он даже указы подписывал не читая. Как политик и гарант процветания Верилии Рангар был уже мёртв, понимаешь?

Да, я понимала. Причём ещё до того, как вся эта заварушка началась. Впрочем, этот момент отец не для меня, скорее для себя самого подчёркивал.

— Тем не менее моя инициатива начать решать вопрос престолонаследия до того, как дух Рангара покинет тело, была воспринята неоднозначно. Часть наших... — Отец неприязненно поморщился. — наших, с позволения сказать, парламентариев, взбеленилась. Они, видите ли, решили, что это кощунство — делить трон умирающего старика.

Ну да, конечно... В подобную чистоплотность со стороны политиков только доярка с дальнего хутора поверить может. Просто кое-кто был не готов к крупной игре либо искал внешний повод выступить против главного претендента — то есть господина Форана.

— На этой волне Уйлим и вылез, — подтвердил мои догадки папа. — Мол, я — тиран, презирующий моральные устои, а он, Уйлим, молодец. А ещё у него родовое древо

поветвистее нашего, и корни поглубже, и с вымирающим родом Олар переплетены. Вот так и началась свара.

Я не удивилась. Дальше тоже удивляться не пришлось...

Да, господина Уйлима из рода Веркур ловили на подкупе парламентариев и попытке подделать некоторые важные документы. Его союзники и сторонники занимались искажением исторических фактов, пытаясь обвинить моего отца во всём — начиная от пожаров в южных провинциях, которые случились десять лет назад и в результате которых пострадало три десятка деревень, и заканчивая обострёнными отношениями с Дурбором, который якобы уже несколько лет грозит пойти на нас войной. Образованные люди абсурдность обвинений оценили, простой народ, в большинстве своём, поверил...

Но и папа в долгу не остался. И хотя мне о своих методах не говорил, я точно знала... они мало отличаются от методов Уйлима. Но осудить за это? Нет, он всё-таки мой отец.

Дальше — больше. Шаг за шагом, ход за ходом, стычка за стычкой. Противостояние то достигало пика, то скатывалось к подножию, хотя последнее случалось куда реже. А потом... начались убийства и откровенные попытки поднять народ — это случилось сразу после того, как лекари констатировали смерть их величества Рангара Второго из рода Олар, когда трон Верилии действительно опустел.

— И тогда мы приняли принципиальное решение, — сказал господин Форан. Бросил красноречивый взгляд на Рида, и добавил: — Мы выдвинули другого претендента.

Не надо быть гением, чтобы понять, зачем они это сделали. Род Неран, к которому принадлежит Ридкард, один из древнейших в Верилии. К тому же он молод, образован, перспективен... а ещё имеет поддержку господина Форана и вполне пристойную репутацию.

К тому же отец держал помощника в стороне от особо острых дебатов и подальше от стычек, которые начались в момент, когда первый министр поднял вопрос престолонаследия. То есть Рид... он чистеньким оставался, относительно, но всё-таки.

— И это помогло? — спросила я.

— Отчасти — да, — отозвался отец. — По крайней мере простой народ этот ход оценил.

— А ты?

— Я? — Губы отца растянулись в улыбке. — Посыпал голову пеплом и ушел в тень.

— Но я с самого начала заявил, что если стану королём, то буду просить господина Форана остаться в должности первого министра, — вмешался в разговор Рид. — И тот факт, что помолвлен с его дочерью, конечно же, не скрывал.

Я подхватила с подноса чашку и сделала маленький глоток чая. Нет, я по-прежнему не удивлялась. Всё нормально, всё закономерно.

— А что было дальше?

В этот раз не папа отвечать взялся, а Ридкард.

— А дальше самое интересное началось... — протянул он. — У нас до последнего не было доказательств, но никто не сомневался, что Уйлима поддерживает Дурбор. И мы до сих пор не знаем, что за чёрная кошка между ними пробежала в тот момент, но... Уйлим на какое-то время этой поддержки лишился. Точных сведений у нас нет, но по картине, которую мы наблюдали, только такие выводы просятся.

— Интересно... — пробормотала я.

— А ещё, согласно донесениям тайной канцелярии, в тот момент в столице находился лучший дурборский убийца. Он не наёмник, он в личной гвардии короля Вонгарда служит.

Есть все основания считать, что убийца приезжал за жизнью господина Форана, но дурборца отозвали.

Я сглотнула внезапный ком и снова к чашке потянулась. Пальцы, вопреки решению сохранять невозмутимость, дрожали.

— Вы думаете, это связано с тем, что вы заменили кандидата? — спросила я.

— Да, — ответил Рид.

А вот отец покачал головой, признался:

— Я не уверен. Дурбор не мог столь быстро среагировать на решение о возведении на престол Ридкарда. Мне кажется, поводом стало какое-то иное событие.

— Какое? — усмехнулся новоявленный монарх. — Убийства на улицах нашей столицы?

Он сказал, а мне газетная статья вспомнилась. Тот самый номер «Дурборского вестника», в котором про эти убийства прочла. Ещё вспомнилось, как охваченная ужасом и горем, пошла в мужскую общагу, к единственному близкому человеку. А он утешал... Утешал и обещал, что дурных новостей больше не будет... и их, как ни парадоксально, не было.

Конечно, это неважно, да и вряд ли Рид и отец знают, но я всё равно спросила:

— А почему дурборские газеты про события в Верилии не писали?

Господин Форан изумлённо вскинул брови, их величество тоже удивился.

— Как это не писали? — переспросил Рид. — Не могли не писать. Их газетчики до сих пор по столице шныряют.

Глупость какая-то. Нет, ну честное слово глупость!

— А войска? — возвращая разговор в привычное русло, напомнила я. — Вы говорили, Дурбор отозвал войска от границы с Верилией.

— Да, — кивнул отец. — Отозвал. Не далее как позавчера. И знаешь, это самый нелогичный политический шаг на моей памяти. Чем Вонгард думал? Каким местом?

— Наши генералы конфликт не поддержали, — пояснил Рид. — А малые отряды личных гвардий, сама понимаешь, сила не слишком великая. Военное решение вопроса стало возможно лишь в тот момент, когда Дурбор решил оказать силовую поддержку Уйлиму. И Уйлим бы, вероятнее всего, победил.

— Уйлиму победа, а Вонгарду вечный должник, союзник и... возможно, марионетка? — спросила шепотом, потому что страшновато от такой перспективы стало.

— Именно, — отозвался папа. — Но Вонгард отозвал войска, уничтожив тем самым Уйлима в глазах большинства союзников. За счёт этого мы и победили.

— А где сейчас Уйлим?

— Не важно, — ответил Рид поспешно.

Я закусила губу. Расспрашивать дальше или... взывать к милосердию не стала. Не тот случай, когда нужно быть снисходительным. И вообще — меня тут не было, я только частью информации владею, а раз так, то и права на вмешательство у меня нет.

— Я очень рада, что всё закончилось.

Рид улыбнулся, отец добродушно кивнул. Он же и спросил:

— А ты?

— Что я?

— Как отучилась? — пояснил папа. — Как Дурбор? Как академия?

Сердце споткнулось, дыхание сбилось, снова комок к горлу подкатил... но я пожала плечами и ответила самым беззаботным тоном:

— Скучно у них. И преподаватели так себе...

— Эмелис... — позвал Рид. Теперь он смотрел очень виноватыми глазами. — Эмелис, прости, но закончить учёбу ты не сможешь.

— Я понимаю.

— Не сердись?

— Ни капельки, — искренне ответила я. — В конце концов, я с самого начала знала, что карьеры магички мне не видать.

Мужчины облегчённо вздохнули, причём оба. Неужели в самом деле ждали упреков и истерик?

— Ну раз так... присмотришь за приготовлениями к свадьбе? — спросил Ридкард.

А я... я едва не спросила «к какой?!».

Сердце вновь споткнулось, а руки предательски задрожали. Хорошо, что уже успела отставить чашку, иначе бы выдала себя с головой. Впрочем, я и так попалась — лицо не удержала, побледнела.

— Эмелис? — позвал их величество обеспокоенно. Потом нахмурился, склонил голову набок.

— А когда мы женимся? — Голос тоже подвёл, дрогнул и едва не сорвался на писк.

— Через месяц, — ответил господин Форан.

Я потупилась и закусила губу, надеясь скрыть обуявший меня ужас за притворным смущением. Месяц? О Всевышний...

Перед глазами возникла картина: я и Ридкард, вместе, в постели. Его губы жадно впиваются в мой рот, его руки не менее требовательны и настойчивы. Жар тела, прикосновения, пот, пронзительные стоны... О нет! Я этого не вынесу!

— Месяц? — переспросила уже вслух. — Я не уверена, что это... решение разумно.

Папа удивлённо приподнял брови. Их величество остался невозмутим, но блеск, вспыхнувший в тёмных глазах, мне очень не понравился.

Но отступать я не собиралась. Вдохнула поглубже и продолжила самым ровным тоном:

— Во-первых, я не уверена, что успеем подготовиться. Во-вторых, мне кажется, что народ подобную спешку не оценит. Сами посудите — Рид только-только взошел на престол и тут же, буквально на следующий день, позволяет своей невесте запустить руки в казну, чтобы начать подготовку к сомнительным, с точки зрения народа, торжествам.

— Средства будут выделены из личной казны Ридкарда, — вступился отец.

— Ты уверен, что наш народ поверит в такое благородство? — парировала я.

Комментировать эту реплику мужчины не стали — вопрос, слава Богине, риторический. Зато Рид к другим моим словам прицепился...

— Почему ты думаешь, что народ воспримет свадьбу своего монарха как нечто сомнительное?

— Ну это же очевидно. Всего несколько дней назад Верилия была на пороге гражданской войны. Люди перепугались, им сейчас не до праздника. К тому же ты стал королём лишь вчера. И пусть ты фигура довольно известная, народ ещё не знает, чего ждать от тебя в качестве монарха. Сейчас люди хотят видеть твои действия, твои решения, а не то, как ты женишься на дочери первого министра, то есть... развлекаешься.

— Свадьба действиям не помеха.

— Это знаешь ты, это знаю я, а народ мыслит проще. К тому же только подумай... Ну начали мы подготовку к свадьбе, и что? На одной полосе газеты репортаж о твоих поездках, встречах и реформах, а на следующей рассуждения газетчиков о том, какого цвета салфетки

будут на завтраке в честь невесты. Это несерьёзно, Рид.

Блондин поджал губы и промолчал, а я вздохнула и добавила:

— Свадьба короля должна стать событием важным, объединяющим, радостным. Нужно сперва успокоить людей, а уже потом устраивать балы и приёмы.

— И когда, по-твоему, нам следует играть свадьбу?

— Месяцев через пять, — подумав, объявила я. — Возможно, в первый день лета. А что? Как раз совместим с народным праздником, и...

— Три месяца, — перебил Ридкард. И таким тоном это было сказано, что я внутренне дрогнула. — Три месяца и ни днём позже.

— Но снег к тому времени едва-едва растает, и...

Попытка воззвать к разуму провалилась с треском.

— Три месяца, Эмелис, — повторил наречённый. — И ни днём позже.

О Всевышний...

Папа моё сопротивление тоже не оценил — сидел хмурый и молчаливый. Впрочем, его чаяния понять куда проще, нежели настойчивость Рида. Ведь господин Форан ради меня, ради своей дочери, в авантюру с престолонаследием ввязался. И успокоится лишь тогда, когда я на этот самый престол взойду.

— Ладно, поздно уже, — глянув на часы, пробормотал господин Форан. — Пойду.

Он оставил недопитый бокал, с заметным усилием поднялся на ноги. Я не могла сказать, что папа постарел или сдал за это время, но его усталость чувствовалась.

Я тоже встала, сделала шаг навстречу и поцеловала в щёку. Отец легонько погладил по спине, подарил тёплую добрую улыбку, от которой душа окрылилась. Правда... окрылилась она всего на миг, потому что Рид, в отличие от отца, никуда не торопился.

— До завтра, ваше величество, — с поклоном сказал отец.

Рид кивнул и только.

Едва за папой закрылась дверь, в гостиной моих новых покоев как-то ну очень неуютно стало. Лёгкий запах сырости, который не отступал даже перед жарко пылающим камином и цветами, принесёнными по моему велению, начал не просто беспокоить — бесить. И текстиль на окнах, как вдруг выяснилось, мне не нравится — старомодный. И форма настенных магических светильников не устраивает. И ковёр на полу... он, кажется, ужасно пыльный! А рисунок...

— Эмелис, что происходит?

Я вздрогнула. Только теперь осознала, что стою посреди гостиной и старательно разглядываю узор напольного ковра. С огромным усилием перевела взгляд на сидящего в кресле жениха, робко улыбнулась.

— Прости?

— Ты не хочешь выходить за меня?

— С чего ты взял?

Губы Рида исказила усмешка. Он оставил почти нетронутый бокал, тряхнул пепельными волосами и поднялся. Это движение было неожиданно грациозным, почти хищным, и я снова вздрогнула и едва сдержала желание отступить. Просто никогда прежде не видела Ридкарда таким.

— Ты не обрадовалась этой новости, Эмелис.

Безумно хотелось отвести глаза, но позволить себе эту роскошь я, увы, не могла.

— Ошибаешься. Я рада. Просто всё так неожиданно...

— Ты настояла на переносе торжеств, — делая ещё один шаг навстречу, сказал Рид.

Я внутренне сжалась, но выстояла.

— Ридкард, я же объяснила. Если ты находишь мои доводы глупыми, то давай поженимся через месяц.

Ответом мне стала новая усмешка и ещё один уверенный шаг навстречу. Тот, кто до недавнего времени был всего лишь помощником первого министра Верилии, приблизился вплотную. Его руки капканом сомкнулись на талии, дыхание обожгло щёку.

— Ты не рада, Эмелис... — прошептал он.

Я упёрлась ладошками в грудь жениха, но смелости, чтобы снова встретиться со взглядом чёрных, как сама ночь, глаз, у меня не хватило.

— Рид, я дочь Форана из рода Бьен, а не пастушка. Меня с детства учили думать о последствиях собственных поступков. И я уверена, что столь скорая свадьба нанесёт урон твоей репутации. Но если ты считаешь, что...

— Нет, — перебил король. — Ты всё верно сказала.

Вот теперь я осмелилась поднять глаза, только это ошибкой было.

— Я ужасно соскучился, Эмелис.

Голос их величества прозвучал очень тихо и хрипло, а в следующее мгновение его рот накрыл мои губы и мир... нет, он не поплыл, он как будто почернел.

В этот раз Рид целовал не столь напористо, как при встрече. В этот раз он был нежен и чуток — по своим меркам. Я же искренне жалела, что всё так, потому что теперь у меня была возможность ответить на поцелуй... Вернее — у меня не было возможности от этого ответа отвертеться.

Мне пришлось обвить шею Ридкарда руками, прильнуть к широкой груди и прикрыть глаза, притворяясь, будто происходящее доставляет удовольствие. Пришлось разжать зубы и впустить его язык в свой рот, а едва тот ретировался, совершить ответный манёвр. Ещё я была вынуждена сделать вид, будто ослабеваю от нахлынувших чувств и позволить Риду сжать сильнее.

Как чувствовала себя на самом деле? Мерзко! А в голове вертелся лишь один вопрос: когда же кончится эта пытка?

Впрочем, лгу. Вопросов было больше.

Смогу ли я, Эмелис из рода Бьен, и дальше вести эту игру? Сумею ли смириться с тем фактом, что через три месяца этот человек окажется в моей постели? Смогу ли перебороть то отвращение, которое владеет мною сейчас?

А ещё... ещё очень стыдно было, прежде всего за своё лицемерие. Но наш союз — политическая необходимость, мы не обязаны любить друг друга! Зато обязаны уважать... И ложь, если судить трезво, единственный залог стабильности. Ну, на данный момент.

Чуть позже, когда всё наладится, мы сможем сказать друг другу, что чувствуем и найти компромисс — так все поступают. А сейчас... нет, сейчас я не готова обсуждать эти вещи. Я просто буду очень стараться и надеяться, что образ черноглазого блондина затмит тот, другой. Я буду пытаться! Я сделаю всё от меня зависящее, чтобы полюбить Рида. И очень надеюсь, что он сделает то же самое.

— Малышка... — прошептал наречённый, а его правая ладонь скользнула вверх и похозяйски сжала мою грудь.

— Рид!

— Что? — отозвался тихо. Он прекрасно видел моё возмущение, но руку с груди не убрал, наоборот — сжал сильнее и вновь к губам потянулся.

— Ридкард!

Я попыталась вырваться из захвата, но куда там. Прижал крепче прежнего, а его ладонь... она на вторую грудь переместилась.

— Эмелис, ну что ты паникуешь? — прошептал черноглазый. — Всё хорошо...

— Хорошо?!

— Малышка, я четыре года ждал этого момента. И раз уж ты настояла на том, чтобы отложить свадьбу...

— Рид!

— Эмелис, согласись, это будет справедливый обмен.

Чтобы не завизжать, пришлось до крови прикусить губу, но их величество этого не заметил. Он был занят. Он покрывал жадными поцелуями мою шею и трогал, трогал, трогал...

— Рид, я не могу...

— Малышка, перестань... Мы вот-вот поженимся. Чего тебе бояться?

— Я не могу...

— Обещаю, тебе понравится, — шепнул блондин и, не разжимая объятий, сделал шаг вперёд.

Я инстинктивно отступила. Сквозь панику, которая заполнила сознание, пробилась одна-единственная мысль — мы пятимся к спальне.

Да, у меня были лучшие учителя, и актёрское мастерство мне тоже преподавали, но научить плакать на заказ так и не смогли. Так что слёзы, которые покатались по щекам, были настоящими. Как и горький всхлип, который вырвался из горла.

— Эмелис, — выдохнул Рид, останавливаясь. — Эмелис...

— Не могу! — взвизгнула я.

Лишь теперь поняла — слезами дело не ограничится. Меня уже колотит, ещё немного, и начнётся самая настоящая истерика. Вторая за последние пару суток.

Ридкард, как ни удивительно, тоже понял.

— Прости. — Блондин не отпустил, но его объятия стали другими — целомудренными, почти дружескими. — Прости, я не хотел напугать. Я... я просто без ума от тебя, Эмелис. Понимаешь?

Я едва не завывала, даже рот ладонями зажать пришлось.

— Эмелис... — В этом вздохе звучало всё: разочарование, грусть, сожаление и даже нотка паники.

Мы застыли, мир застыл вместе с нами. В тишине, окутавшей гостиную, был слышен лишь отчаянный треск поленьев и мои всхлипы. Очень хотелось отодвинуться, отойти от Ридкарда, но новоявленный король Верилии не отпускал. Наверное, думал, что в его объятиях успокоюсь быстрее...

— Эмелис, прости, — когда тишина стала поистине гнетущей, сказал Рид. Потом шумно втянул ноздрями воздух и продолжил уже жестче: — Я всё понял, малышка. Я больше не настаиваю. Но и ты пойми — однажды нам придётся это сделать. И это, поверь, не так страшно, как кажется на первый взгляд.

Я опять всхлипнула, а Ридкард взял за подбородок, заставляя посмотреть в глаза. Он улыбался...

— Эмелис, знаешь, а это даже хорошо, что ты... что мы... — Рид на мгновение запнулся. — Мы поступим согласно традициям. Слово в слово. Пышное белое платье, усыпанная лепестками роз постель, первая брачная ночь... И раз уж мне выпало счастье жениться на девственнице, мы... обратимся в Храм и попросим высшего благословения Богини.

Четверть часа назад, когда ладонь их величества сжимала мою грудь, а губы обжигали шею, я думала — всё, хуже уже не будет. Но эти слова... О Всевышний, это крах!

Все пары, идущие к алтарю, просят благословения у создательницы нашего мира. Это обычно, нормально, и ничего особенного от супругов не требует. Но испрошение высшего благословения — обряд иного порядка.

В действительности он очень прост. После первой ночи молодая жена складывает простыню, что устилала брачное ложе, и идёт в храм Богини. Пешком, в сопровождении мужа и его родни. Там, перед ликом статуи Богини и в присутствии служительниц храма, она эту простыню разворачивает, демонстрируя всем присутствующим следы единения.

Старшая служительница или приглашенный по такому случаю маг проверяют следы на подлинность. Причём смотрят не только кровь, но и след, который оставляет мужчина — как

свидетельство того, кто именно делил с новобрачной постель.

Если всё в порядке, то все присутствующие на обряде люди опускаются на колени и просят Богиню благословить этот союз. И если верить сказителям и храмовникам, то это тот случай, когда Богиня не отказывает.

После церемонии старшая служительница выходит во двор храма и сообщает результат проверки всем, кто ждал снаружи — так как молодожены идут в храм пешком и намерений своих не скрывают, за ними непременно собирается хвост зевак. Ещё храмовницы начинают звонить в колокол, ну чтобы оповестить о счастливом событии даже тех, кто судьбой новобрачных не интересовался.

А вот если простыня оказалась чиста... молодоженов ждёт не благословение — проклятие! Точнее, проклятие обрушивается не на обоих, а на того из них, кто виновен. И если о благословении ещё бабка надвое сказала, то в силе проклятия не сомневаются даже закоренелые безбожники.

Спутать девственную кровь с какой-либо иной невозможно — у этой крови особая энергетика, особая сила. Поэтому подлога со стороны невесты быть не может. Подделать мужской след тоже невозможно, так что сомневаться в вердикте храмовниц не берутся даже самые отъявленные сплетницы.

— Этим выстрелом мы убьём сразу двух летучих белок, — продолжал вещать Ридкард. — Во-первых, мы покажем подданным, сколь важны для нас традиции. Во-вторых, спасём твою репутацию. Ты же знаешь, что в народе о магичках болтают?

Я нервно сглотнула и только. На кивок, подтверждающий, что мнение простого люда о магичках мне известно, сил не нашлось.

— Так что всё к лучшему, Эмелис. И я даже рад, что мы...

— Этот обряд давно плесенью покрывся. — Собственный голос прозвучал жалко. — Его даже в глухих деревнях не применяют. Не боишься, что мы будем выглядеть смешно?

— Не будем, — отозвался блондин. — К тому же мы не одни такие. Род Донтор, например, на протяжении всей истории этот обряд использует.

Я таких подробностей о дурборской королевской семье не знала. Но легче от этого, разумеется, не сделалось.

— Ридкард, я...

— Тшш... — прошептал их величество, нежно целуя в щёку.

Отступившая было паника вернулась, захлестнула с новой силой. Стоило лишь вообразить, что Рид сейчас вновь с поцелуями ползет, сердце ухнуло в желудок, колени задрожали, а в голове стало абсолютно пусто.

Словно кролик, угодивший под гипнотический взгляд удава, я наблюдала, как черноглазый делает шаг назад, потом берёт мою руку, учтиво целует пальчики, кланяется, разворачивается и... и всё. Дверь за Ридкардом закрылась, и я осталась в одиночестве, так и не успев сказать жениху, что просить о высшем благословении мы не можем.

На ватных ногах подошла к столу, практически рухнула в кресло. Когда дверь в гостиную моих покоев вновь распахнулась, вскинула голову в искренней надежде, что это Ридкард вернулся и что сейчас у меня хватит сил признаться.

Но увы. Вместо высокого блондина в чёрном камзоле на пороге возникла сухонькая Тильда.

О том, что госпожа не в порядке, горничная, конечно, догадалась. Вот только спрашивать о причинах прав не имела, поэтому ограничилась нейтральным:

— Госпожа Эмелис, я могу чем-то помочь?

Я ответила не сразу...

— Да, Тильда. Помоги раздеться и лечь. — И уже совсем тихо, скорее для себя, нежели для прислуги: — Слишком тяжелый день. Не могу больше...

Засыпала я с чётким намерением — утром сразу же пойду к Ридкарду и расскажу всё. Без подробностей и имён, разумеется, но расскажу. Вероятно, признание будет стоить мне пары пощёчин, но это несравнимо лучше, чем прилюдный позор.

К тому же я и не собиралась скрывать от жениха эту измену. Смысл врать, если обман раскроется в первую же ночь?

И... я по-прежнему ни о чём не жалею. Ни капельки. Ни чуточки. Да, Кирстен подлец, но ночь в его объятиях была лучшей в моей жизни.

Я ни о чём не жалею...

Проснувшись я от лёгкого покашливания и тихого:

— Госпожа Эмелис, простите, но время уже к полудню.

С огромным трудом открыла глаза, не сразу сообразила, где я и кто эта суховатая женщина в белоснежном переднике. А когда вспомнила, невольно поёжилась и подтянула одеяло к подбородку.

Самочувствие было скверным. Глаза после вчерашнего опухли, тело слегка ломило, и очень хотелось спать.

— Госпожа Эмелис, полдень, — напомнила Тильда. Потом потупилась и добавила: — А ещё к вам посетители, и они...

Договорить женщине не дали. Дверь приоткрылась и в мою спальню скользнула миловидная блондинка в платье цвета шоколада. Прикрыв створку, она всплеснула руками и прошептала:

— Эмелис, ну сколько можно спать?

Я села на постели и замерла, остатки сна словно ветром выдуло. А блондинка решительно подошла к кровати и защебетала опять...

— Эмелис, милая, ну просыпайтесь же! О Богиня, что с вашим лицом? Впрочем, не важно. Вставайте. Вставайте немедленно! У мастера Эросита совсем нет времени, и если вы не выйдете прямо сейчас, то он попросту уедет.

Она говорила, а я... звереть начала. Просто звереть и всё.

— Госпожа Ларре, что вы здесь делаете?

Блондинка запнулась. Потом снова руками всплеснула и расплылась в улыбке, которую, по всей видимости, считала очаровательной.

— Как? Вас разве не предупредили? — Её голос стал слаще патоки. — Меня назначили вашей компаньонкой.

— Кто назначил? — процедила я.

— Ваш отец, кто же ещё?

Ну папа! Ну папа!!! Тебе же прекрасно известно, что я эту графиньку терпеть не могу. Меня от неё ещё со времён детской влюблённости в Райлена из рода Даор воротит! И если тогда, несколько лет назад, единственным поводом для неприязни была помолвка между Ларре и Райленом, то теперь поводов куда больше. И они, в отличие от того, прошлого, обоснованны.

Вдовствующая графиня — самая злостная сплетница столицы. Самая! И хотя её острый язычок никогда не поднимался против господина первого министра, верить этой особе

нельзя.

К тому же лекари, которые осматривали тела двух её умерших мужей, давали настолько противоречивые показания, что эта информация даже до верилийской академии магии докатилась. И это при том, что маги от проблем света далеки так же, как северная звезда от солнца!

— Эмелис, дорогая, вставайте же! — перебила мои мысли графиня. — Мастер Эросит, конечно, говорит, что готов ждать вас вечно, но это он из вежливости.

Я не выдержала и закатила глаза. Сам образ этой женщины, вкуче с её лживым щебетом и непоследовательностью, раздражали ужасно. Нет, если каждое моё утро будет начинаться с визита этой дамы, я повешусь на собственной косе.

Стоп. А мастер Эросит по какому поводу явился? Нет, ему-то как раз рада, но я красноволосого стилиста не приглашала.

Гадать не хотелось, поэтому спросила вслух:

— Зачем пришел мастер Эросит?

Если Ларре скажет, что он принёс альбомы с эскизами свадебных нарядов, точно сорвусь. Просто не готова я прямо сейчас платьем заниматься, не до этого мне, не созрела, вдохновения нет!

— Он привёз платья, — прошебетала блондинка. То ли в самом деле не замечающая, то ли просто наплевавшая на моё недовольство. — Пока только два. Всё, что успели сшить.

Я мотнула головой и нахмурилась.

— Какие ещё платья?

— Обыкновенные, — отозвалась вдовствующая графиня. И добавила, понизив голос: — Эмелис, милая, тебе же совершенно нечего надеть.

Я уже хотела огрызнуться и выставить графиню за дверь, когда мне вспомнилась одна примечательная вещь: в гардеробной комнате, в которую я заглядывала не далее как вчера, было совершенно пусто.

В тот момент была убеждена — мою одежду просто не успели доставить. Ведь наше родовое поместье, где новых платьев на три таких гардеробных, не так уж и близко, в дне пути. А в столичном доме рода Бьен моих вещей отродясь не было.

Но теперь, после слов графини и столь внезапного явления главного столичного кутюрье, в сердце закралось подозрение.

— А одежда, которая в нашем поместье?..

— Ах, тебе не сказали?! — перебила блондинка, опять руками всплеснула.

— Не сказали что?

Навязанная компаньонка одарила грустной улыбкой, горестно вздохнула и сообщила:

— В результате известных тебе событий ваше родовое поместье несколько... эм... пострадало. Нет-нет! Ничего серьёзного! Но крыло, в котором располагались твои покои и гардеробные...

О Всевышний!

Я закрыла глаза и упала на подушки. Значит, носить и впрямь нечего? И все те платья, на выбор которых я потратила уйму времени, пропали? Да ещё и поместье пострадало? Ужас.

Хорошо хоть выходов в свет в ближайшее время не предвидится. У портних мастера Эросита будет возможность сшить для меня новый гардероб.

— Эмелис, ну вставай же... — протянула графиня. — Иначе мастер Эросит в самом деле уедет, а ты пойдёшь на приём как оборванка.

— Какой ещё приём? — выдохнула я.

— Как? Про это тебе тоже не сказали? — изумилась графиня. Но я чётко слышала в её голосе нотки злорадства.

Ну почему я маг-защитник, а не боевичка?! Как же хочется запустить в эту Ларре чем-нибудь особо опасным! И не только в неё...

— Графиня, будьте добры, покиньте мою спальню, — сказала я ровно. — Тильда, а вы... пригласите мастера Эросита сюда. И подайте чай.

О главном кутюрье столицы болтали всякое. Поводов для сплетен было много: длинные, выкрашенные в малиновый цвет волосы, излишне тонкие черты лица, слишком плавные движения и некоторые специфические ужимки. Всё это привело к тому, что мастеру Эроситу приписывали... нетрадиционный взгляд на женщин.

Зато столь неприглядная слава открыла для кутюрье вход в те места, в которые «истинным» мужчинам доступ запрещён. Например, в спальни молодых и не очень девиц. Вот и в мою спальню мастера Эросита без проблем пустили...

— Эмелис, дорогая! — воскликнул красноволосый и картинно уронил на пол три коробки, которые прежде держал в руках.

Горничная, видя такое обращение с дорогушими нарядами, вздрогнула всем телом.

— Чай, — напомнила я Тильде.

Женщина сделала книксен и, протиснувшись мимо застывшего в дверях модельера, удалилась. А Эросит окинул комнату скептическим взглядом, прикрыл двери и обратил взор на меня.

— Ну ты как? — спросил красноволосый с улыбкой. Тот факт, что стою нечёсаная и в одной лишь ночной сорочке, гостя не смущал.

— Ужасно... Просто ужасно.

Брови модельера взлетели на середину лба, рот приоткрылся. А потом мастер Эросит стремительно приблизился, ухватил за подбородок и заглянул в глаза.

— У... — протянул он. — Как всё запущено.

Настала моя очередь приподнимать брови, но Эросит в моё удивление не поверил.

— Куколка, мы с тобой сколько лет знакомы?

— Восемь, — без запинки ответила я.

— Во-от... И после всего, что между нами было, ты ещё пытаешься мне врать?

А были между нами платья всех фасонов и материалов, скандалы из-за длины юбок и дружные попытки вернуть в сознание моего папу после озвучивания мастером Эроситом счетов за услуги.

С ответом я не нашлась. Отступила, сделала реверанс и пробормотала:

— Ты сильно спешишь? Или я всё-таки успею умыться?

— Теперь вообще не спешу, — заверил красноволосый. — Умывайся, куколка. Я пока платья распакую.

Как бы там ни было, а злоупотреблять терпением приятеля я не стала, в умывальне провела от силы десять минут. Вернулась ровно к тому моменту, как в комнате объявилась Тильда с подносом. Кроме чайника и сахарницы горничная догадалась принести бутерброды и оладьи с мёдом. Она споро сервировала маленький столик и столь же споро покинула спальню.

— Итак, номер один! — воскликнул Эросит, вытягивая из коробки нечто объёмное и, несомненно, красивое. Отвлекаться на завтрак мастер не собирался...

Моему взору предстало великолепное розовое платье. Глубокое декольте, рукава-фонарики и пышная, вернее наипышнейшая, юбка, вкупе с алой отделкой, придавали платью чрезвычайно нарядный вид. Я не выдержала и тихо ахнула, а Эросит растянул губы в улыбке и отрицательно качнул головой.

— На приём в этом платье идти нельзя, — сообщил очевидное кутюрье. — Оно для бала.

И всё бы хорошо, но...

— Значит, ты тоже о приёме знаешь?

— Я потому и примчался, — сказал красноволосый.

Я досадливо закусил губу. Отлично. Все всё знают, только я не в курсе. Что ж, придётся провести с отцом и Ридкардом просветительскую беседу и предупредить, что повторение подобной ситуации неизбежно приведёт к скандалу. Понимаю, что сейчас им некогда соблюдать протоколы и всё прочее, но узнавать новости мимоходом и от посторонних я не желаю.

— А вот это... — Эросит отложил розовый наряд и открыл вторую коробку. — ... это, наверное, подойдёт.

Теперь взору предстало прелестное жемчужное платье с серыми оборками и белоснежными кружевами. Никакого шика, чистый эlegant.

— А третье?

— В третьей коробке не платье, — сообщил красноволосый. — Там бельё.

Я не расстроилась, ибо уже решила, что на приём пойду в жемчужном. И, несмотря на неловкость ситуации, не побоялась спросить:

— Эросит, а подробнее про приём рассказать можешь? Меня, увы, даже в известность не поставили.

Мужчина скривился и пожал плечами.

— Что-то официальное. Мне, видишь ли, тем более не докладывают.

Я шумно вздохнула и бросила взгляд на столик, где остывал чайник и оладьи, но Эросит мои надежды разрушил.

— Сперва примерка, — отрезал он.

Пришлось подчиняться.

Ещё один поход в умывальню с целью сменить ночнушку на традиционный комплект — панталоны и нижнюю сорочку. Следом попытка надеть жемчужное платье — это уже в присутствии мастера, ибо стесняться действительно нечего. Платье, разумеется, село, причём превосходно, несмотря на то что шилось по старым меркам. А вот с заклиниванием для застёгивания пуговиц вышел ожидаемый затык.

— Эросит, помоги, пожалуйста.

Модельер приблизился, шепнул заклинание и провёл рукой вдоль спины. Пуговички и петли повиновались слову красноволосого мгновенно.

— Слезы по-прежнему лишают тебя сил?

Кивнула, хотя вопрос больше походил на утверждение, а мой ответ... я была не совсем честна. В данный момент у меня не только с бытовыми заклинаниями проблемы возникли — я не чувствовала в себе способность поднять щит. Но это не выгорание, нет. Просто слабость. Впрочем, Эроситу такие подробности ни к чему.

— Значит, со слезами надо заканчивать, — сказал кутюрье уверенно.

— Уже.

Я впихнула ноги в принесённые Эроситом туфли, подняла волосы, изображая некое подобие высокой причёски, и покрутилась перед зеркалом. Как бы там ни было, а мне нравилось. Даже припухшие веки образ не портили.

— А что у нас с украшениями? — спросил красноволосый.

— На комодике саквояж, — откликнулась я.

Самый модный стилист столицы стрелой метнулся к комоду, завладел чёрным чемоданчиком. После без лишних церемоний высыпал содержимое саквояжа на постель и удивлённо присвистнул.

Кажется, помощник ректора говорил, что госпожа комендант женского общежития сложила в саквояж всё самое ценное, но предметов, способных вызвать столь бурную реакцию Эросита, среди своих вещей не припоминала.

Я обернулась в желании понять, что именно взволновало мастера, и застыла каменным изваянием. Кутюрье держал в руках массивное кольцо, подаренное Киrom.

— Убери эту гадость, — в моём голосе проявились брезгливые нотки. — А лучше...

— Только не говори, что мне следует его выбросить, — перебил Эросит.

Я чувствовала, что нарываюсь, но всё равно кивнула.

— Та-ак... и по какому поводу мы разбрасываемся такими вещами? — складывая руки на груди, спросил красноволосый.

Объясняться с приятелем не хотелось, поэтому решила привести самый веский, с точки зрения девиц моего круга, аргумент:

— Эросит, это всего лишь аквамарины.

Реакция кутюрье была неожиданной — он совершенно искренне поперхнулся воздухом и не менее искренне закашлялся.

— Что? — выпалила я.

А в ответ услышала предельно возмущённое:

— Эмелис, ты в самом деле слепая или притворяешься? Какие аквамарины? Это голубые бриллианты!

Я откровенно выпала из реальности. Потом тряхнула головой и сделала недоверчивый шаг навстречу.

— Эросит, ты ведь шутишь, правда?

Стилист закатил глаза и тяжело вздохнул.

— Куколка, я понимаю, что ты предпочитаешь пыльные фолианты и прочую магическую муть. Я понимаю, что драгоценности не входят в круг твоих интересов. Но... но не до такой же степени!

— Меня уверяли, что это аквамарины... — процедила я и тут же пожалела о сказанном.

Просто глаза мастера Эросита блеснули таким любопытством, что мне откровенно поплохело. Ну всё, допроса не избежать.

— Эмелис, милая, подойди... — позвал красноволосый тихо.

Я сжала зубы и приблизилась.

— Видишь какая тут огранка? — Самый именитый столичный кутюрье принялся восполнять пробелы в моём образовании. — А какое преломление света на гранях видишь? Тут же настоящая радуга...

Разницу в огранке осознать не могла, а вот радугу видела чётко. И душа от лицемерия этой картины медленно леденела. Да, я не специалист по драгоценным камням, но я неплохо разбираюсь в ценах. Бриллианты намного дороже аквамаринов, а вот голубые бриллианты...

они, кажется, вообще баснословно дорого стоят, потому что камни уникальные.

— А ещё тут клеймо, — продолжал Эросит. Он перевернул кольцо, спросил: — Загогулилку у основания замка видишь?

Да, «загогулилка», равно как и радуга на гранях, от взгляда не укрылась. Она была смутно знакома, но имя мастера я всё-таки не вспомнила.

— Это кольцо работы мастера Азалита, — пояснил красноволосый. — А мастер Азалит, как тебе несомненно известно, только с бриллиантами работает. Так что это бриллианты, Эмелис. Бриллианты!

Меня откровенно перекосило. Желание вырвать кольцо из рук Эросита и потоптать камни ногами было огромно, но я всё-таки сдержалась. Даже не прикоснулась к проклятой ювелирке.

— Там ещё кольцо. Проверь, будь добр...

Красноволосый исполнил просьбу с явным удовольствием. А едва отыскал кольцо, подтвердил очевидное:

— Да, тоже бриллиант.

Ну Кир... Ну Кир!!!

— И кто же подарил нам это чудо? — встрял в мои мысли Эросит.

— Никто! — рыкнула я. Но тут же смягчилась и даже попыталась пояснить: — Один тип, который... который...

— Который что? — не унимался красноволосый.

Кому другому я бы ни за что не призналась, а вот Эроситу... Впрочем нет, дело не в личности собеседника. Просто не сдержалась.

— Не любит он меня, понимаешь? И никогда не любил.

Удивление самого именитого кутюрье столицы было столь искренним, что я даже улыбнулась. Только уголками губ, но всё-таки.

— Кто не любит? — переспросил мастер.

— Он, — кивнув на кольцо, пояснила я.

Развернулась в намерении вернуться к зеркалу и избавиться от платья, но Эросит ухватил за локоть, спросил тихо-тихо:

— Эмелис, ты что, сдурела?

Я вопросительно заломила бровь, а в ответ услышала:

— Куколка, комплект как пара особняков стоит. Поверь, нелюбимым женщинам таких подарков не делают.

Зря он это сказал. Очень зря! У меня и раньше мысли путались, а тут... О Всевышний! Зачем Кир подарил этот комплект? Почему? И почему назвал бриллианты аквамаринами? И... и что мне теперь с этим подарком делать? Выбросить? Нет, не смогу. Может, стоит продать, а вырученную сумму пустить на благотворительность?

— Комплект идеально подходит к этому платью, — вновь вмешался в мои мысли красноволосый. — Проблема украшений решена.

— Не надену, — выдохнула я. И даже попыталась выдернуть локоть, но Эросит держал крепче не бывает.

— Куколка, не дури. Это единственный приличный комплект в твоём арсенале. Остальные украшения слишком просты.

Мастер был прав. Собираясь в дурборскую академию магии, я лишь простую ювелирку брала, украшений, подходящих случаю, и впрямь не имелось. Кроме злополучного

комплекта.

— Не надену... — повторила уже спокойнее.

— Ты невеста короля Верилии, — напомнил Эросит. — Ты не можешь явиться на официальное мероприятие как оборванка.

А вот тут крыть действительно нечем. Подловил, зараза красноволосая.

Я выдохнула, призывая себя к спокойствию, и тут же новый вопрос поймала:

— Кстати, а где ты пропадала?

— Нигде, — буркнула я. — И вообще... там чай стынет.

На этот раз мастер Эросит был милостив. Он сам взял за руку, галантно проводил к столику и помог сесть. Разливать чай, как ни удивительно, тоже красноволосому выпало. Вот только оценить ухаживания не смогла, потому что едва взялась за чашку, визитёр заговорил вновь. И голос такой ласковый-ласковый...

— Эмелис, куколка моя, так кто же он?

— Никто, — ответила я. Голос, хвала Богине, прозвучал ровно.

— Ну да, ну да... — протянул модельер.

А я не выдержала, сказала:

— Эросит, он меня предал.

— Что именно сделал? — тут же посерьёзnel собеседник.

Я отрицательно качнула головой и промолчала. Нет, этот рассказ за гранью доверия. Об унижении, пережитом в замке на озере, я никому не скажу. Никому и никогда. А в том, что касается Кира... просто не думать. Какая разница, почему он эти бриллианты подарил? Ведь дело не в них, дело в другом.

— Ладно, куколка, можешь не отвечать. Но пообещать обязана! — Эросит дождался, когда всё моё внимание сосредоточится на нём, и лишь потом произнёс: — Обещай, что как бы там ни сложилось, свадебное платье у меня шить будешь.

Я закатила глаза и кивнула — куда же я от тебя денусь? Тем более сложится всё очень предсказуемо. Если только Ридкард не передумает...

После ухода Эросита я переделалась во вчерашнее платье и вознамерилась отправиться на поиски Рида, но напрасно.

— Их величество и ваш отец с самого утра в большом кабинете заседают, — руша мои надежды, сообщила Тильда. И добавила виновато: — Видимо, очередное совещание.

Я такому положению дел не удивилась, но чувство досады испытала. А вслед за досадой пришло раздражение — иных предлогов, чтобы отделаться от общества госпожи Ларре, у меня не было, а раз так... день обещал быть трудным.

Выходя в гостиную отведённых мне покоев, я готовилась терпеть ужимки великосветской дамы и слушать бесчисленные сплетни, но реальность оказалась на порядок неприятнее. После совместной прогулки по зимнему саду, на которую сопровождал один из лакеев, и совместного же чаепития, вдовствующая графиня взяла за руку и завела разговор о... постели.

Нет-нет, блондинка не о качестве простыней и мягкости подушек говорить вздумала! Дама принялась рассказывать о том, каково это... остаться наедине с мужчиной.

Я лекции не противилась. Я улыбалась, кивала и молчаливо зверела. Интересно, кто надоумил графиню завести этот разговор? Ридкард? Или Ридкард сперва с моим отцом соображениями поделился, а уж тот Ларре озадачил? В то, что графиня сама о моих «проблемах» догадалась, мне не верилось абсолютно.

Дальше было хуже. Едва рассказ о переживаниях женщины, угодившей в крепкие мужские объятия, закончился, блондинка перешла к рассказу об основах контрацепции. Как высчитать безопасные дни цикла, как определить, с чем связана задержка — с нервами или естественными причинами, и прочее, прочее, прочее.

А за поздним обедом, на котором, опять-таки никого, кроме нас, двоих не присутствовало, Ларре обнаглела настолько, что позволила себе несколько шпилек в мой адрес. Я от такого чуть улыбку не уронила и вызверилась окончательно. Так что на появление лакея, который попросил пройти в кабинет их величества, отреагировала всё той же улыбкой и тихим, утробным рычанием.

Шагая по коридорам и залам королевского дворца, я отчаянно сжимала кулаки и точно знала — хуже уже не будет, потому что хуже просто некуда! Но я опять ошиблась — новости, которыми встретили поджидавшие в кабинете мужчины, ошеломили.

— Детка, у тебя два часа на сборы, — сказал отец, отрываясь от чашки с кофой. — Будешь сопровождать их величество на приёме по случаю подписания мирного договора...

— Мирного договора с кем? — нахмурилась я.

А Ридкард, который сидел в шикарном кресле с бокалом вина в руке, расплылся в невероятной улыбке и добил:

— Король Вонгард Третий из рода Донтор предложил перемирие. Так что... мы идём в Дурбор, малышка.

Вкладывая свою ладошку в ладонь Ридкарда, я задавалась лишь одним вопросом: за что? За что мне это всё?!

Ведь только вчера покинула проклятое королевство. Ушла с ясным осознанием — не вернусь. Никогда не вернусь! А что теперь? Обстоятельства непреодолимой силы, просьба, равносильная приказу, и отказ, увы, невозможен, потому что... этой мой долг.

Я могла бы уговорить Ридкарда оставить меня здесь, во дворце. Но кроме их величества есть ещё и отец, а папа подобный поступок не оценит точно. Для него мой отказ посетить Дурбор будет равносильен предательству. Почему? А очень просто...

[Купить полную версию книги](#)